

Извас Фрай

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Книга Извращений

Извас Фрай

Книга Извращений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34640838

SelfPub; 2018

Аннотация

История жизни одного художника, живущего в мегаполисе и пытающегося справиться с трудностями, которые встают у него на пути и одна за другой пытаются сломать его. Но продолжая идти вперёд, он создаёт новые картины, влюбляется и борется против всего мира, шаг за шагом приближаясь к своему шедевру, который должен перевернуть всё представление о новом искусстве...Содержит нецензурную брань.

Десять + одна заповедь одного пророка:

Однажды, у тебя не будет потребности в других богах, кроме одного.

Однажды, ты перестанешь делать себе кумиров на небе и под землёй, под водой на земле – ты найдёшь того, кто будет единым твоим светом во тьме и все дети твои, принявшие его, будут счастливыми до тысячного колена.

Однажды, у тебя пропадёт нужда произносить божие имя.

Однажды, ты перестанешь работать в день, когда был создан мир и насладишься его дарами.

Однажды, ты поймёшь мать и отца своих, и начнёшь уважать их.

Однажды, ты перестанешь убивать.

Однажды, тебе не понадобится никого соблазнять.

Однажды, тебе не нужно будет воровать.

Однажды, ты перестанешь клеветать.

Однажды, добро других – будет не нужно тебе.

Однажды, ты будешь счастлив во сне и наяву, в жизни, и после смерти; и Мир твой – превратится в Рай.

«...Извращение – противоестественное поведение.

Извращенец – человек, поведение которого носит характер, противоречащий социальным и моральным нормам.

Извращать – портить, переиначивать что-либо на свой лад, что может вызывать у окружающих отвращение.

Извращаться – портить самого себя; а также – пред-

ставлять свою личность в свете, неприемлемом общественности, в извращённом виде; иное значение – страдать.

Извращённость – несоответствие стандартам; уродство.

Слово «извращение» – и мы можем видеть это во всём – давно стало в авангарде всего нового искусства. Многие авторы соревнуются в извращённости своих произведений – и кто добивается этого в большей степени – тот доминирует над остальными; извращение – давно стало носить в себе некую часть смысловой нагрузки слова «современность». И если у неискушенного зрителя оно до сих пор ассоциируется с «сексуальными перверсиями» – в искусстве, оно давно стало носить совсем иной характер. Можно предположить, что в более интеллектуально развитом обществе, чем то, которое мы называем «современным», «извращение» – станет такой же неотъемлемой частью нашей жизни, как сам воздух, которым мы дышим...»

*Из трактата Даниэля Ньюи «Об искусственном пути»,
Фрагмент, чудом уцелевший после сожжения*

Увертюра

Ты будешь взрослым. Ты станешь художником. Но ты останешься ребёнком, смотрящим на капли дождя в окне.

В тот день, когда мы с тобой встретимся, ты вспомнишь своё прошлое, которое так сильно хотел забыть. Ты будешь

стар и измучен жизнью. Ты даже не будешь помнить, как попал сюда – в лес, ко мне, к писателю, написавшего твою жизнь и сделавшего из тебя героя.

Согласно всем измерительным приборам: день твоей смерти будет холоден и мрачен. Сильный ветер будет валить столетние деревья. Моя хижина превратится в кучу щепок. В тот день, когда мы с тобой столкнёмся головами и твоё прошлое вновь заявит о себе – ты вспомнишь четыре основных закона вечности, сформулированных когда-то давно тобой.

Люди забудут тебя: они забудут всё, что ты сделал для своей страны, для своего любимого города – для искусства ты останешься безымянным гением, полвека прожившим в одиночестве.

Я один буду помнить твоё имя. Я буду последним, кто ещё будет любить тебя – ветхого старца, стоящего одной ногой в могиле, всю свою жизнь посвятившему искусству и создавшего самую великолепную картину в мировой истории.

В тот холодный и мрачный день – я расскажу тебе твою историю, и назову её «Книга Извращений». Мы будем сидеть вместе и пить ром. Мы, впервые встретившие друг друга, вспомним всё, что было в наших жизнях – в наших безумно долгих жизнях.

Мы натянем улыбки сумасшедших до висков – мы вспомним всю нашу боль и любовь, служившую топливом искусству, и вместе – будет смеяться над ней.

Мне будет девяносто лет, когда я умру; тебе будет уже

восемьдесят четыре. Мы умрём вместе – в тот холодный, и мрачный день в лесу – у писательской избушки. Но сначала – я расскажу тебе, что будет дальше...

Разоблачение Первое

А теперь: представь, что весь мир у тебя в руках и ты можешь сделать с ним всё, что угодно.

Толстяк – твой высокоуважаемый патрон – скажет тебе:

– Давай, нарисуй мне форму! Покажи грацию.

И прибавит, как бы подзадоривая:

– Чёртов ты ублюдок, мерзавец, ух.

Он будет получать от этого столько же удовольствия, сколько от обладания десятью женщинами. Ты никогда больше не встретишь человека, так наслаждающегося чужим творчеством.

Но ты почти не услышишь его слов. Тебе стоит только представить – и миллионы миллиардов молекул последуют за направлением твоей руки. И каждая из них захочет, что бы ты обратил внимания именно на неё. Неограниченная власть – но что ты с ней сделаешь?!

– Мерзавец, – станет шептать тебе на ухо толстяк-патрон, который будет платить деньги за твоё искусство, чуть ли не садясь тебе на плечи.

Он скажет тебе:

– Нарисуй эластичность; нарисуй твёрдость. Покажи мне

свою любовь и гнев. Дай мне почувствовать гордость. Прояви истинную силу, ах!

Слова так и будут падать из чёрной дыры его рта в бесконечность твоих возможностей. Но ты устанешь. Тебе необходимо будет отдохнуть. Даже библейское божество отдыхало целый день. У тебя же – не будет права даже на секунду оторвать кисти от холста, размером с Юпитер. Ну, отдохни.

– Ты только то и можешь, что жалеть себя. Ты можешь лучше – я знаю это. Можешь – но не хочешь. Скажи мне: почему ты такой урод... ой, прости.

Этимися словами – твой патрон обвинит тебя в том, чем на самом деле – является он. У тебя же к тому времени – уже будет портрет заказчика, который будет платить тебе за то, что ты создаёшь новые миры.

– Готово, – скажешь ты, победно и театрально взмахивая кистью, будто перерезая ленточку в парк чудес, откуда никто не выйдет с закрытым ртом.

Ты отойдёшь в сторонку, чтобы патрон мог лучше разглядеть твой внеочередной шедевр. Но ты бросишь взгляд зрителя на свою работу; ты улыбнёшься и подымишь подбородок от переполнившей тебе гордости. Ты повернёшь голову в сторону патрона и увидишь, как восторг на его лице переходит в ужас, от которого у него раскрываются глаза до допустимых природой пределов и усы становятся параллельными потолку. Спустя секунду, он схватит холст. Он будет рвать его ногтями, зубами; топтать ногами. Ты будешь смот-

реть, как гибнет плод многих твоих бессонных ночей и литров пота; ты будешь смотреть, как мир лишится ещё одного шедевра – и ты даже не моргнёшь. Лишь когда холст и масло станут грязью, ты тихо спросишь своего патрона – у тебя, измученного, не будет сил даже повысить голос:

– Зачем?

Патрон будет тяжело вздыхать, будто пробежал до этого марафон; он будет плевать словами сквозь потоки вдохов и выдохов:

– Это была ошибка. Прости меня, но мир – ещё не готов к подобному. Иногда, искусство – может принести больше вреда, чем атомная бомба. Художники – играют с очень опасными инструментами: сознанием и душой... Разумеется, я заплачу.

Он выдохнет с такой силой, будто захочет сдуть пол и весь дом, в котором вы будете работать. Он начнёт пересчитывать деньги, медленно возвращая воздух необъятным лёгким. Он закончит считать и протянет тебе пачку банкнот.

– Я делал это не ради ваших бумажек, – скажешь ты, однако, быстро спрятав деньги в свою куртку, грязную от масла.

– Тогда, верните их, – сказав это, толстяк начнёт смеяться.

Ты дашь ему пощёчину и скажешь, тыкая пальцем прямо ему в лицо:

– Я запомнил, что нарисовал; и нарисую снова – для себя. Его улыбка станет шире.

– У тебя – большое будущее, сынок. Но я скажу тебе: тебе

никогда не удастся повторить то, что ты сегодня сделал при мне. Тебя ждёт шедевр, который перевернёт всё искусство. Но до него – ты ещё не дорос.

После этих слов, его улыбка исчезнет.

– А теперь, – скажет он, – вон отсюда.

Ты развернёшься и зашагаешь прочь – к выходу – подчеркнув свой гнев, стукнув ногой о двери. Ты тяжело вздохнёшь, упершись лбом в ладонь – от душевной боли. Затем, помотришь в небо – ты всегда находил утешение в высоте.

У тебя в куртке: будут деньги, о которых ни один псевдо-богемный каляка-маляка не сможет и мечтать. И кто скажет, что ты потеряешь после этого власть над миром?! По крайней мере – ты всё ещё будешь принадлежать себе. А тогда – это будет самым важным.

Ты захочешь развлечься – дать отдых телу и духу. На твоём лице проскользнёт та самая улыбка, которая делает мокрыми юбки не одного десятка женщин. В этом изгибе рта – поэт прочёл бы всё лёгкость и беспечность бытия. Ты достанешь фотографию девушки, которую будешь помнить до своего шестидесятилетия; и скажешь ей, которая стояла тогда по ту сторону фотоаппарата в далёком прошлом:

– Этот закат – я посвящаю тебе.

Ты ещё долго будешь стоять на месте и рассматривать улыбающееся по ту сторону времени тебе лицо. Ты спрячешь этот маленький листочек пять-на-пять только тогда, когда перед тобой остановится машина, формой – больше напоми-

нающей тигра. И из рёбер короля железобетонных джунглей – выйдут люди-пингвины в тёмных очках. Ты захочешь спрятаться от них – исчезнуть, что бы и следа от тебя не осталось на этой земле. Ты бросишься бежать. Они, едва повернув голову – последуют за тобой. Но эти районы, не смотря на преимущество людей-пингинов, ты будешь знать лучше них. Скрывшись в тайном переулке, ты пробежишь ещё несколько сотен метров, так и не сбавив свой бешеный темп. Но ты не учтёшь тот факт, что бежал по кругу и стремительно возвращался к машине-тигру. Ты почувствуешь, как холодный пот становится сталью – и разрезает твоё тело тысячи красных лепестков. После этого, ты медленно начнёшь отходить назад, стараясь не издать ни звука. В ночной темноте, у тебя перед глазами предстанет вывеска бара «Egypt Shadow». Ты, недолго думая, прячешься среди шумных ночных тусовок города.

Бар будет наполовину пустым; но тебе покажется, что он был более чем наполовину полон. Ты будешь вглядываться в акульи лица посетителей, отчаянно пытаясь найти в них хоть каплю поддержки – но они и бровью не шелохнут, чтобы обозначить, что признают твоё существование. Когда ты совсем отчаешься найти поддержку и почувствуешь себя самым одиноким беглецом во вселенной, ты обнаружишь за столиком в углу этого подвала, названного баром, своего старого русского друга – хоть от России у него останется только фамилия.

– Сдарова, Монро! – крикнешь ты ему, имея в виду не «здоровье», а «с даром своим я тебя поздравляю».

Ражаев после этих слов – подымит глаза от полупустого стакана с бурбоном.

– А, это ты.

От нервов, ты возьмёшь его полуполный стакан и не оставишь другу ни капли.

– Позволишь присоединиться? – скажешь ты после.

– Я хотел провести этот вечер один, а не с каким-то нищим художником, которого ещё нужно вспомнить. Но ладно уже – если сел – так оставайся. Официант, русской водки нам, – он улыбнётся тебе и подойдёт опасно близко к твоему лицу, – я давно тебя не видел, зайчик.

Будучи осведомлённым о бисексуальных предпочтениях твоего русского друга, ты не обидишься на его вызывающее обращение и, из вежливости, поинтересуешься:

– Как дела в бизнесе?

Этот вопрос заставит Ражаева сменить улыбку на морщины на лбу.

– Всё довольно неплохо, – скажет он, добавив, – мои убытки в прошлом году составили всего полмиллиона – а это даёт возможность и для более оптимистичных прогнозов в будущем, – когда официант принесёт вам водку, Ражаев осушит свой стакан залпом до дна и спросит, – а как там твоя «работа», дорогуша? Ты ведь всё ещё рисуешь?

– Да, но с этим – всё так же плохо, как и у тебя. Сегодня,

к примеру, выполнял заказ одному толстяку. Так буквально превратил мою работу в щепки и тряпки, – ты сделаешь глоток водки, – а это, если честно, была моя лучшая работа. Я вложил в неё душу.

– А что там было нарисовано?

Ты постарайся вспомнить – и рассмеёшься оттого, что не сможешь.

– Я уже забыл – представляешь?!

Ты допьёшь свою водку. Русский авторским жестом попросит ещё. Ты скажешь, чуть погодя:

– Лучше вообще об этом не думать. Хорошо хоть – этот козёл заплатил мне.

Ты достанешь из своей куртки внушительных размеров пачку банкнот. Ражаев хмыкнет:

– В былые времена – я зарабатывал такую за час.

– А сейчас – теряешь за полчаса?

Он начнёт мотать головой, будто змея, танцующая под дудку заклинателя.

– Ты, я погляжу, теперь уже – не бедный художник, – он подымет стакан с водкой, – так выпьем же за твою небедность.

– И выпьем за твоё финансовое процветание!

После ещё нескольких ударов, Ражаев спросит тебя:

– А как там дела на личном фронте у уличного артиста?

– Фу-ух, – попытаешься ты привести себя в порядок, – я об этом особо сейчас не думаю. Мне нужно найти свою

сестру.

– О чём ты, – закатится нездоровым смехом твой русский.

– Ты разве не знал? Моя сестра – пропала год назад – и я должен её найти.

– Кому должен, дорогуша?

Ты подумаешь:

– Себе – как минимум.

Зал, освещённый кислотно-красной и синей подсветкой, разукрашенный во мрак, заполнится электронной музыкой. Как только ты окунёшься в неё на пьяную голову, тебе покажется, что чем-то – это звучание напоминает средневековые мелодии. Точно. Ты услышишь хорошо знакомые тебе ноты, спрятанные под звук музыкального компьютера. Это будет старая прелюдия, написанная забытым композиторов в доисторические времена – написанная, чтобы наполнить сердца верующих Богом. Теперь, она наполняет разум одиноких алкоголиков и всей их компании – красками и бесформенными картинами.

В твоей голове пронесётся мысль: «Жанр произведения – очень часто оказывается зависимым от инструмента, который его исполняет; и времени».

Но ты выбросишь эти мысли в корзину брака, не желая добивать ими и так пьяную – от фантазий и алкоголей – голову. Вокруг тебя будет протекать жизнь. Ты захочешь: окунуться в неё и испытать на прочность её дно; до самого конца.

– А на моём личном фронте – дела лучше некуда, – ска-

жет, – правда, я не могу оставаться со своими зайками и зайчиками больше недели; и мужчины, и женщины – они так бьют по нервам. Они так быстро в моих глазах смешиваются с грязью. Да и дорого это – ведь почти всем нужно платить; даже если они спят с тобой бесплатно.

Монро Владимирович Ражаев будет улыбаться до висков, едва не падая с сымпровизированного кресла.

– Ты – извращенец, – без особого интереса скажешь ты.

Музыка будет становиться всё громче и громче. По своей природе – она должна вводить своих слушателей некоего рода медитацию; но от всего этого ментального порно – тебе будет становиться только плохо.

– Все мы – извращенцы, – изречёт Ражаев, – кто по-большому, а кто – по-мелкому; заметь, как это похоже на два вида хождения в туалет. Это естественные потребности человека – быть не таким как все. Наши звериные привычки – нам не побороть никогда. К тому же, я искренне верю, что истинное извращение – лежит за пределами кровати. Ты слушаешь меня, зайчик? Оно находится в нашей повседневности; оно скрывается за нашими рутинными делами. «Мы можем отказать от него!» – так сказала мне одна душка. Я посмеялся над ней и сказал, что это – ложь. Что бы мы ни выбирали – мы переделаем это под извращение. И тогда, я преступил к доказательствам своих слов; и делал это всю ночь... Эй, что с тобой? Всё в порядке, сладкий?

И бисексуальный русский станет трясти тебя за плечи и

хлопать по щекам. Он будет в полном недоумении и непонимании – что с тобой случилось?! Ты будешь хотеть почувствовать этот мир. А он – задушит тебя своей перверсией. И тогда – тебе придётся отвоёвывать у него крупницы разума, частицы жизни. Но это не смерть – нет. А брат её – сон.

Ты болезненно откроешь глаза.

– Знаешь, – скажет, – я понимаю тебя. Когда я жил в Киеве (а рядом я из Москвы) – я часто подобным образом терял сознание от тамошнего варварства, примитивизма; и самое страшное – глупости. Впрочем, как и в любом другом городе. Потом – я просто привык, – после этих слов, Ражаев допьёт свою водку, – а приехав сюда – совсем перестал; хоть, что и говорить – сам знаешь, что здесь – ещё больше поводов падать в обморок.

Затем, Монро переменит свой тон с насмешливого – на заботливый:

– Может, тебе вызвать такси? Отправишься домой?

А после – музыка начёт умолкать. Постепенно, ты выйдешь из-под её магического влияния; и ответить на вопрос русского:

– Да, было бы неплохо. Но я надеюсь, что мы с тобой ещё увидимся в будущем.

– Столкнёмся ещё как-нибудь, – кивает Монро, будто совсем не захмелел, – хоть это и не точно. Будущее, друг мой – та ещё стервозная штука.

Уже стоя на улице под свежими каплями дождя, Монро

поцелует тебя в щеку и скажет:

– В моём мире – простой люд закидал бы меня камнями.

Ты едва сможешь стоять ровно сам. Но, не смотря на это, ты скажешь, сквозь туман в своих глазах:

– Путь погибнет, провалившись в сортир – ваш загадочный русский мир.

После этих слов – русский повернёт к тебе голову; он будет смотреть на тебя с жалостью – с гневом и пониманием. В голове у тебя пронесётся мысль, что тебе следует поторопиться – и что ты с большим удовольствием никогда в жизни не встретишься с этим извращённым русским, испортившего свою жизнь и бизнес дорогими развлечениями.

Ты подумаешь: «А что будет дальше?». Просто приедет такси и заберёт тебя? А что, если те люди, что будут гнаться за тобой – знают, где ты живёшь?! Что будет, когда они придут к тебе? Но ты решишь, что в любом случае – уже ничего не сможешь изменить – классическая стратегия для... Ты подумаешь: «Во что превратилась моя жизнь?». Но какой она могла бы быть? Скоро – приедет такси. Ты снова погрузишься в свою реальность – ведь у тебя ещё будут дела.

– Пока, Монро, – скажешь ты.

Он лукаво улыбнётся.

– До встречи, – скажет, – но только – не в этом баре. Всё равно – здесь баров больше, чем в старом-добром токийском Синдзюку.

Он будет махать тебе рукой, пока его образ не сольётся

с каплями дождя, падающими на машинное окно перед глазами маленького, двадцатисемилетнего тебя – ещё совсем мальчика, которому предстоит жизнь.

– Куда едем? – донесётся из далека голос водителя.

Ты назовёшь ему адрес.

– А-а, – спросит, – оплатить-то ты сможешь?

Ты достанешь две добротные купюры из большой пачки и скажешь:

– Сдачи не надо!

– Понял, шеф, – он отдаст тебе честь и добросовестно начнёт исполнять свою работу.

В этом районе – баров действительно будет больше, чем в токийском Синдзюку, в котором тебе – не удастся побывать никогда. Город будет грязным, величественным. В нём – всё уродство преисполнится немислимого достоинства. К тому моменту – ты не посетишь ни один другой город – ни разу не убежишь дальше десяти километров от черты своего дома. Но ты мог бы сказать тогда: «Я был во всех городах мира». Потому что не останется ни одного места на Земле, до куда не доползли бы щупальца твоего города – и которое он не смог бы впитать в себя. Дворцы и трущобу – одноэтажная империя на семи северных холмах; и шестидесятиэтажные жилые небоскрёбы в южных низинах. Старый центр в архитектурном стиле, как будто срисованном с купюры в двадцать евро. Двадцать тысяч рабочих, которые будут мыть дороги жидким мылом – и всё равно не смоют и десятой до-

ли грязи. И население – которое будет равно всему славному румынскому народу – в черте одного города.

Куда бы ты ни поехал – ты всё равно попадёшь домой. Монро скажет: «Это твоё проклятие». Ты захочешь всё понять – и не поймёшь ничего. Для этого – я здесь. Отдаю себя в заточение лесу и снегу, чтобы писать о тебе и о городе внутри тебя – внутри каждого жителя, как бы далеко он от него ни ушел. Ты поймёшь всё только тогда, когда все твои злоключения приведут тебя ко мне. И перед самой смертью – ты почувствуешь настоящую жизнь.

Ты захочешь, что бы мир был таким: что бы в нём – не пришлось ничего доказывать. Но будет так – как и всегда – смотря на него, ты ничего не сможешь понять. Этот дождливый пейзаж за окном – будет как листок с записью о содержании сна, увиденного в одну безымянную ночь полтора десятилетия назад. Ты не узнаешь ни слов оттуда, ни образов. И тебе покажется, что этот город да и ты сам – снился не тебе. А ты – всего лишь свидетель, который ничего не может изменить в его картине. Поэтому – ты станешь художником – потому что не сможешь не сражаться с этим миром до самого конца.

Я дам тебе разгадку: умный – смотрит на то, что спрятано под тенью этих слов. Так или иначе – ты найдёшь ответ. Но в каждой твоей жизни – он будет разным. Ты найдёшь свой ответ на все вопросы, когда настанет время. И уж поверь – оно настанет вовремя, и ни минутой раньше.

У тебя будет этот город: огни, неон, бары, бордели, транс-веститы, сутенёры, бездомные и бандиты; вот этот голый мальчик, полицейские, пробки, магазин, ещё один, скорость – двадцать миль в час, теперь тридцать – снова двадцать. Уличный волшебник, сумасшедший и проститутка, будут курить за гаражами. Сотни тысяч машин и сорокаэтажные дома – всё это персонажи одной и той же книги. И всё это – окажется у тебя за спиной. «Персона» – означает «лицо в маске». И тебя ждёт ещё много масок, которые нужно будет снять; и главное – не умереть после этого от страха. «Осторожно – чудовище» – будет гласить дорожный знак. Поэтому – всё нужно делать постепенно. Время у нас есть. И нам действительно – некуда спешить.

Ну, а потом: у тебя будет этот город. Ты поплывёшь по нему как яхта в море. Только это – море мрака.

Перед твоими глазами: будут мелькать жизни незнакомых тебе людей. Ты станешь наблюдателем их судеб. Ты не узнаешь: как это началось и чем это закончится. Люди будут кричать, целоваться, драться, играть, обниматься. Это – их жизни – их не будет смущать бедность. Душевно – они, как и твой автор – навсегда останутся бездомными.

Тебе будет казаться, что ты уже снял одну маску – я не стану тебя в этом разубеждать. Когда настанет время – посмотри на это лицо внимательнее; загляни ему в глаза. Ты увидишь тёмный город твоей души. Ты увидишь всю ослепительную яркость его извращённой, бунтарской души. Ты

сможешь потрогать. Даже почувствовать; нарисовать – ты ведь будешь художником. Тебе захочется это изобразить. Ты достанешь блокнот и будешь работать – до того предела, пока не отточишь своё мастерство копировать образ; до того предела, когда человек становится богом.

Таксист обернётся. Затем – снова возвратит глаза дороге; он будет бубнить что-то на непонятном тебе языке. Ты подумаешь: «У него явно не всё хорошо с документами». Ты обратишь внимание, как он смотрит на частые полицейские патрули. Подумаешь: «Наверняка, он живёт в постоянном страхе». А значит у него проблемы – и с жильём, и с деньгами; а значит – и с долгами. Тебе станет жаль его. Перед тобой будет мелкая часть жизни одного человека, прочитав которую, однако – возможно даже по малейшему её фрагменту: одному случайному взгляду, жесту, намёку – как голограмму.

– Останови здесь, – скажешь ты ему.

– Но мы ещё не приехали.

– Всё равно – здесь.

– Как скажешь, шеф.

Перед тем, как уйти навсегда – ты спросишь:

– Откуда ты?

Он гордо ответит:

– Из свободной республики Каталонии. Я родился в Барселоне в 2001 году и мог видеть, как самая красивая и славная в мире страна отважно сражается за свою заслуженную

независимость с проклятыми еспаньолс (испанцами – *каталанский*) в Барселоне, Мадриде, Брюсселе и...

– Но что ты тогда делаешь здесь?

Он пожмёт плечами в ответ на твой вопрос и скажет только:

– Времена...

Каталония – далеко не счастливая страна.

Дождь к тому моменту – давно пройдёт. Ты будешь идти по мокрому асфальту по одному тебе известной дороге, на которой, поделай ты – ни одна душа не найдёт тебя. Но цель у тебя будет одна – дом – только домой. И самое время будет из одного мира очутиться в другом. Потому что твой дом – тот ещё притон. И вдыхая бензиновый ветер – ты остановишься у порога общежития фрау Мушкель. И, улыбаясь, высоко подняв подбородок – богатый бедный художник – ты войдёшь в свой дом.

Надрыв Первый

Кто сможет сказать, что ты не любил свой город?

Кто сможет сказать, что ты не любил свой родной дом – да почти все, кто хоть немного поговорит с тобой. Но это будет ошибкой – ведь почти все твои слова нужно понимать с точностью до наоборот, не так ли? Ты искренне будешь любить место, в котором ты провёл много лет твоей независимой жизни; хоть и больше всего – ты будешь хотеть увидеть

ЭТОТ ДОМ В ОГНЕ.

Стоит тебе только переступить порог, как тебя встретит хозяйка.

– Здрасьте, – скажешь, притворно поджав губки.

– Снова припёрся! И снова без денег, мерзавец. Очи мои век тебя не видели бы, бандит ты эдакой – подлец вонючий засранец!

Ты не скажешь ни слова – вместо этого, ты отсчитаешь пять счастливых купюр со своей пачки и протянешь хозяйке, которая станет:

– Ах, как бы я жила без тебя родной! Иди – иди сюда, сладкий – поцелую! Поцелую, зайчик мой родненький-ий-ий-ий!

Именно станет, потому что каждое её слово – каждый звук будет подчёркнут действием, полным такой искренней любви (а временами – ненависти).

Тебе не захочется обниматься с ней – разумеется, зная её внешний вид! Эта женщина – сможет одеваться и получше. Но она знала: свои доходы – всегда нужно держать под истинно королевской тайной. И тайну эту она будет держать так хорошо, что никто так и не узнает, было ли у неё десять долларов в тайниках, или десять миллионов – я не знаю, абсолютно всё может быть. Зачем тогда нужны ей будут деньги – а почему они не должны быть нужны ей?! Ведь истина денег – в их сакральной сохранности; и никакого другого предназначения сеньора Мушкель в них не увидит никогда.

Мадам будет жить у всех на виду: говорить, что думает; делать, что хочет – ведь это будет её дом! Работать, ходить, танцевать, пить ракию и чачу со всеми десятью взрослыми и волосатыми членами её семьи, среди которых – она будет первый муж и генерал, чьё слово – закон; а неповиновение ей – смерть. Её нельзя будет жалеть – ею можно будет восхищаться. Она будет защищать слабых – её нужно будет бояться. И всегда: хороший человек – сможет ей доверять.

– Никак банк ограбил, Ван Гог ты наш.

– Удачный заказ.

– Не теряй таких клиентов.

Ты ничего ей не ответишь – только улыбнёшься сам себе, вспомнив, как «такой клиент» сам потерялся, разрывая твой холст пополам.

Тебе захочется чашечку чая с жасмином – и ты, безусловно, будешь иметь на неё право.

Ты пойдёшь за ним на кухню, где застанешь за работой босоногого писателя, что-то усердно строчившего на обратной стороне потерявших свою стоимость деловых бумаг.

– Сокращай свою речь до смысла! – крикнешь ты ему вместо приветов.

– Тогда – никто бы не писал романов, – пожелает доброго здоровья и он тебе.

Он быстро соберёт свои бумажки и убежит в другую комнату, продолжая писать на ходу, что-то бубня себе под нос.

Ты будешь не очень разговорчивым; зато – у тебя будут

кучи друзей повсюду. Проблема в том, что спроси кто-нибудь: «Кого из всех этих людей, которые зовут тебя другом, назовёшь другом ты?» – ты ничего не сможешь ответить и будешь – только молчать.

К тебе придут двенадцать апостолов и четыре волхва в придачу – они принесут с собой сто сорок шесть доказательств того, что мир плоский. Но наша маленькая планета – так и останется сплюснутым шаром, поскольку ты, как всегда, не будешь их слушать. Ты выставишь их за дверь и дашь денег, чтобы те не приставали к тебе хотя бы ночью.

Ты заваришь себе чай с жасмином; этот напиток – всегда поможет тебе заделать надрыв во враждебной реальности. Таким образом – ты всегда сможешь гарантировано быстро и бесплатно направить свою жизнь в лучшую сторону, не тратя лишних средств. Как сделать это в условиях ночной кухни съёмной (коммунальной?) квартиры, где туда-сюда бродят орды сомнамбул и пьяниц? Очень просто: ты начнёшь любить всё, что ходит и дышит; ты будешь наслаждаться всем, что тебя окружает и видеть в каждом пыльном углу – красоту. Поэтому: ты – будешь художником.

Мир будет шумным. Ты будешь слушать эту музыку и вдыхать аромат стен. Одни люди станут любить ближних своих; другие – не очень. Но у всех них есть будет одна общая черта – никто из них больше не сможет прятать свои чувства. У них будет смелость сказать другим, что думают о них. И тут снова два варианта: либо начинать драться, либо

– раздеваться.

Так выпьем за это чашечку чая! Над океаном человечества – ты будешь лодкой. Твой живот наполнится теплотой жасмина – ты заслужишь его уже тем, что прожил этот день. Ненависть и любовь – пройдут. Останутся только двое:

– Красота и извращение! – скажешь ты вслух.

Ты увидишь, поджав колени к груди, совсем других существ. Они наслаются друг другом; враги – станут друзьями. Любовники – все станут призраками. И ты черпаешь у них силы – из их жизней – чтобы жить дальше самому, работая на полувечном двигателе извращений.

Ты будешь пить жасминовый чай: всегда с одним и тем же вкусом – всегда совершенный. Ты будешь учиться, набираться опыта, понимать вкус этого чая. Ни один тибетский лама не найдёт в глубинах мудрости тибетских гор ту истину, которую ты найдешь ночью, на общей кухне съёмной квартиры – она живёт рядом с людьми.

Ты научишься понимать вкус жизни. Но стоит подождать – пройдет ещё немало времени.

– Эй, – крикнешь ты девушке, которую увидел здесь впервые и которая зайдёт на кухню, – хочешь чая?

Видимо, это – будет новая квартирантка.

– Угу, – легко, одними губами, улыбнётся она.

Она сядет за стол. Ты увидишь, что на ней не будет лифчика. Ты нальёшь её в чашку остатки третьей заварки чая.

– А сахар? – обиженно спросит она.

– Этот чай – пьётся без сахара. Попробуй.

– На вкус – как вода в ванной.

– Жизнь часто имеет вкус ванной или кухни. Наверное, потому что часто – это самые приятные места в домах, – мысленно добавишь: «Но чаще: жизнь – имеет вкус гостиной и туалета», – тебе нравится?

– Угу. Только у нему нужно ещё привыкнуть.

Она спрячет свои глаза и уставится ими в пол.

– Ты – новенькая?

– Да, – резко оживится она, – я ещё не со всем освоилась.

– Почему ты здесь? – и поспешишь добавить, – в смысле: это – не лучшее место для красивых девушек. Сама видишь – и должна понимать.

Она кивнёт.

– Я недавно приехала в этот город. У меня не много денег. Я хотела бы сначала найти работу – а потом уже думать о более достойном жилье.

– Из ада в чистилище?

– Простите?!

– Да так – ничего.

– А почему ты здесь?

– Я?! – ты подумаешь: «Действительно!», – у меня нет другого выбора. Я – художник; а мы – не часто много зарабатываем.

– О-о! Так ты – художник?! – заулыбается она во все зубы, – а нарисуй меня!

Ты возьмёшь первый попавшийся клочок бумаги и плохо заточенным карандашом проведёшь на нём линию, а рядом – нарисуешь кружочек.

– На, – ты протянешь ты ей свой рисунок, – это ты.

Она саркастически посмотрит на тебя, повернув к тебе твой же рисунок.

– Что?! – только и скажет она.

– Мы плохо знакомы. Пока, я вижу тебя – такой.

Она только нахмурится. «Да, художники – не лёгкие люди» – подует и она, и ты одновременно.

Она ещё много о чём будет тебя спрашивать. Больше всего – о жизни в городе и о жизни художника. Жасминовый чай – заставляет некоторых зевать и мечтать об одеяле с подушкой; некоторым – наоборот – развязывает рот и убивает ночь.

А если ты выглянешь в окно: то увидишь чёрное солнце мёртвых, которое будет светить ярче, чем солнце живых – особенно, для художников. Особенно – ищущим свой путь.

– Я никогда не жил в деревне, – скажешь ты, – я видел их – но давно и совсем не много. На что это похоже?

– Ну-у-у, – затянет он, – знаешь, это как везти повозку лунной ночью по безлюдной тропе. Ближайший от тебя человек – разбойник; и тот – за двадцать километров. И красиво – ведь звёзды; и страшно – ведь в лесу волки. И поговорить можно только со своей старой клячей. Да и говорить – совсем не охота. Потому что ты должен работать, чтобы дви-

гаться вперёд. Ведь ты, почему-то знаешь – не знаешь, откуда, но знаешь наверняка, что если остановишься – умрёшь. Это – совсем нелегко. Кому-то нравится – у кого-то нет выбора. Многие не понимают. Кажется, я тоже мало очень понимаю... А как это – быть горожанином?

– Это – как быть отражением в зеркале.

– Не поняла. Объясни.

– Первый закон вечности – один из четырёх, – скажешь ты, – гласит: «Если ты смотришь в зеркало и видишь себя – то ты не бессмертен». На самом деле: нет ни зеркала, ни отражения, ни смотрящего. Реально: существует только комната, в которой всё это происходит. Эта комната – мир. А «зеркало» в нём – вечность. Горожанин – это отражение вечности. Но у него не может быть лица. У него может быть только предназначение...

– Я ещё больше не понимаю.

Такие разговоры могут идти часами – у них нет ни точки отсчёта, ни точки невозврата. Разговор – сам по себе – точка. Сложно понять, когда подобная молва – переходит в монолог. Ты будешь тащить его, как упрямая кляча свою телегу с крестьянином не ней сквозь лес в лунную ночь на безлюдной дороге. А за окном у вас – будет всё тот же город. Он будет гореть огнями, много ярче всех звёзд в небе. Но видеть вы – будете только одно небо.

Ты будешь любоваться своей новой подругой. Ты заметишь, что она что-то говорит; так же – ты подчеркнёшь, что

ни слова не слышишь и не хочешь ничего понимать. Она будет молодой и красивой. Ты будешь счастлив: ведь много времени до того – тебе не с кем было поговорить по душам. По одному только жесту её губ – ты шаг за шагом будешь снимать маску с персонажа. Её будет звать – Анна. Ты щупаешь её душу – это куда труднее, чем щупать грудь. Я хотел бы спросит: «Как тебе?». Но ты, как всегда, не услышишь. Ведь нас разделяет много лет.

В один миг, ты прервёшь её трепотню поцелуем. И уже через секунду – она забудет, что так упорно она хотела вставить тебе в мозги. Ты поймёшь – она тоже одинока. Ты поймёшь: не было у неё будущего на родине. И если будущего не будет в городе – то будет только смерть. А жизни – и так, всегда – слишком мало.

Ты будешь щупать теперь языком каждую клеточку у неё во рту. Потом, ты отпустишь её – но только для того, чтобы взять за руку и отвести в свой маленький, уютненький склеп, который ты гордо именуешь – «художественной мастерской». Зайдя в комнату, в которой на один квадратный метр пространства приходится пять испачканных холстов – ты бросишь её на грязную, но заправленную кровать на одного сновидца. Вы будете раздеваться, не отрывая губ и глаз друг от друга. В фильмах – это всегда происходит быстро. Но, чёрт возьми – до того времени, как это произойдёт – ты не узнаешь, как это трудно. Это будет самый интимный момент – когда два человека раскрывают ту сокровенную тай-

ну своего тела – отдают самое дорогое, чем обладают. Это может длиться полминуты, минуту, полторы минуты; и всегда – это момент истины. Раскрытый занавес – всегда – как в первый раз. Ты снимешь: куртку, свитер, майку, ремень, ботинки, штаны, носки. Она снимет с себя: пару ниточек. Твоё тело будет охвачено жаром страсти. Вы станете одним существом.

А дальше – по сценарию.

Всё произойдёт как во сне. Но на протяжении всей твоей жизни до этого момента – ты не чувствовал себя настолько бодрым. Когда это кончится – сам решай, сколько это продлится (полминуты, полчаса, полночи? – кто знает?!) – что вы скажете друг другу?

Ты посмотришь в маленькое окно. Что увидишь ты? Тебе будут донимать печальные, болезненные мысли, которые не перестанут приходить к тебе. Эти думы будут бить палкой по ноге:

– В!

Будут стрелять в плечо:

– Стране!

И бить ножом в сердце:

– Гражданская война!

Хоть ты в жизни не увидишь её, ветер с тех краёв, где льётся братская кровь – никогда не перестанет дуть с востока в твой город.

Ты ляжешь на бок – лицом к ней. Она останется лежать на

спине – глаза уставятся в потолок. Её грудь будет подниматься и опускаться. Взгляд будет бегать по холстам, испачканным твоими картинами – законченным и незаконченным. Вам обоим будет тесно – ваши тела будут свисать с краёв. Ты продолжишь трогать её тело. Ты захочешь насладиться каждой его клеточкой.

– А ты хороший художник, – скажет она.

– Ты шутишь.

– Нет – правда, хороший. Мне нравятся твои работы.

– Я и зарабатываю неплохо.

Ты выпрыгнешь из-под одеяла голым, ничего не стесняясь. Ты сделаешь несколько шагов своими грязными ступнями по ещё более грязному, разноцветному от краски полу – к своей куртке. Ты достанешь пачку денег и покажешь её своей новой девушке. Глаза у той загорятся. Она тоже – в чём мать родила – выйдет из-под одеяла и подойдёт к тебе.

– А ты сможешь ещё раз?

Ты улыбнёшься; и в который раз докажешь этому печальному миру, что ты можешь приносить его обывателям наслаждение.

– А-а-а!

Когда всё снова будет кончено – её крики и вопли станут подозрительно громче. «Не уж-то ли я кого-то могу заставить так кричать?!» – подумаешь ты. Она благоговейно ляжет тебе на грудь, придавив всем телом; и ласково прошепчет тебе на ухо:

– Давай поженимся.

Её тон и всё, что она будет делать дальше – станет требовать ответа. А ты – будешь слишком возбуждён, утомлён и доволен собой, что не сможешь возражать. Ты ответишь:

– Да.

И с этими словами – ты упадёшь в сон, поменявшись с ней местами и положив её голову на грудь, как на подушку. Она будет ласково водить рукой по твоим волосам. Ни ты, ни она – не услышите моего голоса по ту сторону занавеса: «Эта любовь – такая же, как и все – обречена». За что ей тебя любить? За секс, деньги и за то, что ты – человек искусства? Она слишком дёшево продаст свой товар. Такая лёгкая победа – рискует быть такой же по качеству. Но ты – не услышишь. Ты будешь кататься по волнам сна; и над тобой будет твоё чёрное солнце.

Тебе приснится, как ты будешь идти со своим старым другом, который расскажет тебе:

– Четырём разведчикам приказали взять в плен одного офицера. Они пошли на базу врага ночью – и перерезали горло часовому. Как можно просто перерезать горло человеку – пусть и тому, кого нужно считать врагом?! Затем, они наткнулись на двадцать спящих солдат. И вчетвером – одному за другим – стали перерезать горло, держа вторую ладонь на рту. В конце – остались только трупы. Офицера взяли. Но враги подняли тревогу. Двое разведчиков остались, чтобы задержать их – они сознательно бросили свою жизнь. Когда

до лагеря оставалось совсем немного, а враги догоняли, двое оставшихся понимали, что один из них – должен остаться и задержать преследователей. «Ну – поживёшь за меня, – сказал один, – иди». И тот остался; а другого – задело снарядом. Он проснулся через месяц в больнице. Ему дали медаль и кресло с колёсами. Это – война.

Тебе приснится, как ты прощаешься со своим другом и вы расходитесь в разные стороны. Тебе навстречу – будет идти угрюмый старик с тростью, едва переставляя ноги. А в небе – будут лететь огненные самолёты...

Ты проснёшься на рассвете в холодном поту.

Всемирное Движение №1

Тебе бы хотелось жить в мире чудес. Но магии – почему-то ты не увидишь вокруг. Но она – всё же придёт в твою жизнь. Когда? Вовремя. И не в том виде, в котором ты ожидаешь её увидеть.

Среди множества картин и книг об искусстве ты обнаружишь книгу одного фотографа, снимавшего свои путешествия. Ты увидишь его на фоне пляжей, небоскрёбов, пустынь и гор. Ты будешь разглядывать эти фотографии чужих свершений часами – ты подумаешь, что это – свобода. Но это – не она. Всё это – лишь краткий миг из прошлого. А жизнь – проходит в тех же квартирах. Вот ты – ты будешь жить настоящей жизнью, а не жизнью одного фотографа. А теперь –

улыбайся – я снимаю.

Ты оторвёшь взгляд от своих фотографий. А этот день так и скажет тебе: «Сегодня – ничего не произойдёт». Зачем тебе вообще вставать с кровати?!

В комнату войдёт Анна, с утра – куда-то пропавшая. Она будет вести за собой какого-то мужчину. Ты возмущённо спросишь:

– Что это за чёрт?

– Это – Жан-Поль. Он нас поженит.

– Согласны ли вы... э-э-э, – Анна прошепчет ему твоё имя на ухо, – м-да. Выйти замуж... Ой, женится на Анне?

– Что это за чёрт?! – так и не поймёшь ты.

– А вы Анна – согласны?

– Да.

– Что происходит?!

– А вы – согласны?

Две пары нетерпеливых глаз так и будет проедать тебя насквозь. Это – невозможно будет вытерпеть даже взрослому мужчине – не то, что тебе. Ты ответишь:

– Да?

– Ну и чудненько. Так – распишитесь: здесь, здесь и здесь. Вот – бумажка вам. Всего хорошенького.

И Жан-Поля как будто и не будет здесь никогда.

Ты будешь смотреть на улыбающуюся до ушей Анну, раскрыв рот и держа в руке бумажку – всё, что останется от Жан-Поля. Анна торжественно вручит тебе кольцо – ты оде-

нешь его. Твоя жена ещё будет что-то говорить – но ты уже совсем ничего не услышишь (а что услышишь – сразу же забудешь).

Ты подумаешь: «Что же теперь делать со всем этим дерьмом?». Ты начнёшь винить себя в том, что не остановил свадьбу, пока это ещё было возможно.

– Конечно, нас слишком долго женили – ты был слишком не решительным. Все нормальные люди женятся вообще за пятнадцать секунд. Что с тобой?

Конечно же – ты простишь себя. Но сперва – тебе нужно будет выйти подышать свежим воздухом. Ты не станешь объяснять своей новой жене, куда идёшь – просто встанешь и будешь таков. Уже стоя на улице, ты достанешь из нагрудного кармана фотографию женщины. Она будет смотреть на тебя и улыбаться – ты улыбнёшься ей в ответ, хоть она – и не увидит тебя.

– Я должен найти тебя. Впрочем, ты всегда сама находила меня первой... Эх, куда же это тебя угораздило?!

Ты положишь фотографию обратно. Ты услышишь шум впереди. Навстречу тебе будет идти твой старый знакомый – Вооружённый Философ.

– Кант мне в разум – ты ли это?! – воскликнет он.

Вооружённый Философ – бандит, шизофреник и до гроба – алкоголик. Впрочем, как и все настоящие учёные гуманитарных наук.

– Ещё не знаю, – ответишь ты, – ты мне ответь.

Он понимающе кивнёт. В правой руке у него – пистолет. В левой – любимый напиток Хемингуэя – полупустая бутылка с дайкири (ром, сахар, лайм, ликёр «Maraschino»); на бутылке надпись: «Из этого – рождается искусство». И это – будет самый короткий инструктаж начинающего художника.

Пистолет он положит в карман; а горлышко бутылки – в рот. Напившись, он укажет на твой палец.

– Ты, никак, женился – Гуссерля мне в мой феномен!

– Да. Сегодня утром. Где-то полчаса назад.

Он кивнул.

– Бывалый значит. И каково оно?

– Потихоньку. Сам-то как?

– Как и всегда, – он заговорчески подмигнёт тебе и прошепчет, – я недавно машину снял – едет как по маслу. Поехали – отпразднуем.

Ты подумаешь – а почему бы и нет?! Пьяным – он ведёт куда лучше, чем трезвым. Ты спросишь:

– А что значит «как всегда»? У тебя всегда неприятности.

Что на этот раз?

– Очередной критический период онтогенеза, – с печальным видом скажет он, даже не взглянув на тебя, – этой жизни нужны краски – нужны слова, понимаешь?! А ведь эта жизнь – она так похожа на бессловесный скандал. Да «что» мне тебе говорить – ты ведь всё это и сам прекрасно знаешь. Но я – изо всех сил стараюсь не унывать, слышишь! Я отношусь к жизни по-философски. Нужно развиваться – иначе,

можно подохнуть от скуки. Погнали!

Судьба сведёт вас ещё в школе – а ведь он и не изменится с тех пор. Он приведёт тебя ни к джипу, ни к легковому автомобилю, ни хотя бы к «пристойной машине» в общем понимании. То, на что он будет смотреть с любовью и лаской, а ты – с ужасом – больше походило на «джипни» и гору хлама на колёсах, чем на тачку. Но ты не будешь бояться – у тебя не останется страха. Тебя будет переполнять жажда приключений, которые станет сулить тебе само присутствие Вооружённого Философа; что и говорить – сумасшедший.

Вы двинетесь с места – и это будет больше похоже на оседлание дикого барса, чем на обычную езду. И вы оставите мир небоскрёбов и офисных моллюсков – позади. Он скажет:

– Этот город – прогнил. Он был таким ещё тогда, когда его население перешагнуло миллионный порог. И он останется таким до конца дней своих. Боже – храни его. Как я тебя люблю, друг мой.

Его слова будут звучать в резонанс оркестру из тысячи автомобилей и одного трамвая – а получается довольно мелодично. Самое главное – родное.

– Нам – простым обывателям – остаётся только любить его. Ценить то, что нам дано – наслаждаться той самой романтикой, которой пронизан здесь каждый камень и брусочек. Ты любишь его?

Ты кивнёшь.

– И я тоже. Но ничто не мешает нам желать как можно

скорее отсюда обратиться. А если кто и встанет у нас на пути – то я не завидую ему, мля! Мы отправляемся с тобой в путешествие за город – пора нам узнать – каков мир за его стенами.

Так умеет говорить – только пара героев в романах и Вооружённый Философ:

– Мы станем первооткрывателями – пионерами собственных судеб. Проверим на собственном опыте то, что во что нас заставляют верить на слово. Откроем жизнь – отменим смерть! Что-то такое говорили русские футуристы, пока не сгнили в сталинских лагерях; но до нас – им не добраться.

Он будет продолжать говорить и говорить. Ты не особо будешь вслушиваться в его слова – хоть и сделаешь вид, что никогда и никого так внимательно не слушал. На самом деле – ты просто отодвинешь своё восприятие на второй план. Перед тобой снова будет происходить то, что невозможно выразить словами так, что бы оно не потеряло своего очарования. Будто повеет старой Японией, в которой ты не был никогда – но в которой всегда будешь мечтать побывать. И будто умирать – не ново; а жить – можно лишь сейчас, а не где-то там.

Щёлкнут тюремные путы – этот звук освобождает пленных. И ты, возможно, вскоре начнёшь видеть то, что замечал всегда, но никогда не предавал значения. И мир покажет тебе свою палитру; а в ней – миллиард оттенков. Ты возьмёшь кисти и холст. И попробуешь передать всё, что ты чувству-

ешь.

Но у тебя не получится – всему своё время.

Ты слушаешь слова Вооружённого Философа:

–...Если же, как говорят математики, $1+1=2$, то 1 яблоко + 1 яблоко = 2 яблока?! Определённо! Но что это значит для философии? Разве философ, привыкший смотреть на мир глазом практической и глазом метафизической ценности скажет, что 1 яблоко и ещё 1 яблоко = 2 яблока?! Нет. Он скажет, что это – ровному вкусному и полезному обеду. И он будет прав – и это нельзя будет возразить, как нельзя и отрицать, что его обед состоит из двух яблок. Химик скажет, что 1 яблоко + 1 яблоко = 1 свержяблоко. Но химия нас не интересует. Из всего этого исходит та теорема, что философия относится к природе и математики весьма касательно, и принуждённо необходимостью. Так же, в ходе рассуждений, становится ясно, что философия и точные науки – противоречат друг другу; и, одновременно, поддерживают. Так же, мы безысходно приходим к выводу, что философия – это одно сплошное извращение.

Он скажет ещё много подобного бреда – ты, разумеется, ничего не поймёшь и всё забудешь. Но мне, как простому писателю, придётся записывать каждое его слово в точности, как оно будет произнесено – нравится мне это или не нравится. На какие жертвы не пойдёшь во имя правды – в этой бесконечной борьбе за истину – всех со всеми.

– Я занимаюсь исследованиями извращений природы, –

продолжит говорить он, – это легко сделать при близком расположении к самим извращенцам – людям. Исходя из того, что извращение – это противоестественное поведение – мы приходим к тому, что называем им – фундаментом самого времени, которое так не любит постоянность и продолжает двигаться только благодаря изменениям в нём. Так же мы приходим к простому определению: извращение – это как вода для наших душ – мы состоим из них на... 70%? 80%? Не помню. И это – всё наше дерьмо.

– Слова истинного философа, да?! – тихо засмеёшься ты, – и почему ты этим занимаешься?

– Меня притягивает к себе извращение. Это – одно из самых близких к нам чувств и способов познание не только природы – но и самого времени. Посмотри, что происходит вокруг. Посмотри, что творится в мире: такого не было ещё никогда на нашей памяти; но подобное – повторялось тысячи раз. Это всё – одно сплошное извращение. И эволюция – всего лишь одна из его форм.

Он ненадолго прервёт свою речь, чтобы вести напряжённый диалог с владельцем намного более ценного автомобиля, чем ваш. Беседа эта: будет состоять исключительно из междометий и реплик непристойного содержания. Но философы – в первую очередь – люди, которые быстро могут переключаться с одного режима на другой.

– Мы тут забрать кое-кого ещё должны, – скажет он тебе, – двое отличных парней – тебе будет приятно с ними познаком-

миться. В компании – всегда веселее.

Ты бы смог поспорить; но вместо этого – ты воспользуешься внезапно наступившим молчанием и полностью отдашься своим мыслям.

Вскоре, после ряда довольно пугающих дорожных событий, Вооружённый Философ остановится у одного из самых крайних кварталов города. В машину зайдёт трое мужчин: молодой, средних лет и преклонных лет господин. После этого – вы снова отправитесь в путь – уже на совсем небезопасно высокой скорости. Но тебе понравится.

Вы проскользнёте мимо последних многоэтажек и очутитесь по ту сторону цивилизации – в пустом и безлюдном поле экспериментов.

– Знакомьтесь: это – мой старый друг, – он хлопнет тебя по плечу и потянется в карман за сигаретой, – и ты, дружище, знакомься. Это – Джо Заар, он из ЮАР.

– Здравова!

Он тоже наклонится и хлопнет тебя по плечу и, кажется, чуть было не сломает его тебе. Ты увидишь в лице Джо – самого типичного молодого туриста; чего ему только не сидится дома?! И как он столкнулся с Вооружённым Философом – тоже так и останется загадкой. Он будет постоянно лыбиться: обнажать жёлтые от никотина зубы и загрызенные до крови губы. Его правое колено – будет вечно нервно подниматься и опускаться, как будто от этого действия – зависит всё земное движение. На спине у него – ты обнаружишь понтовую

ковбойскую шляпу на очень длинной резинке. Он явно каждую секунду будет находиться на грани нервного срыва. Ты будешь благодарить бога за то, что ты – никогда не будешь его девушкой.

Второй не скажет тебе ничего – он будет просто меланхолично глядеть на дорогу в окне, не замечая ничего вокруг. И если Джо Заар – будет типичным представителем тех парней, которые вечно околачиваются вокруг Вооружённого Философа, то этот – редкая находка. Ты скажешь:

– А я вас знаю. Вы – Анри Ботэ – я вас видел по телеку. Моя домовладелица смотрела все передачи с вами. И я – тоже ваш фанат, хоть и видел меньше. Только из-за вас – я телек и смотрел. Вас уже давно не показывают; сколько: год? Полтора?

– Три.

– И вы ещё живы?!

– Лучше бы ты вообще «телек» не смотрел. Я – уж точно не стою потраченного времени. Вряд ли я вообще чего-либо стою.

– Не говорите так! Что с вами случилось?! Наверное, сценарист плохой. Они все не понимают вашего таланта. Не слушайте их; вот они – как раз – и ничто. А вы – гений!

– Меня уволили.

– Тогда и их нужно уволить! Какое они имели право?! Всё телевиденье стало в два раза хуже без вас. Чем вы занимались все эти три года?

– Читал.

Он улыбнётся – и просто отвернётся, игнорируя все последующие твои вопросы. А в лобовом окне перед твоими глазами – мир решит поразить тебя своей бесконечностью.

– А ты кто такой – тебя я не знаю, – только тогда философ зажжёт зажигалку и закурит.

– Это – Серёжа, – скажет Заар, – он писатель с Украины, – чуть погодя, он добавит, обращаясь уже к старику, – ты ведь в войне ещё участвовал, да?!

– Да.

– Какой из войны? – спросишь ты, – они сейчас повсюду. Главный вопрос: что этот ветеран-писатель забыл здесь? Ты заметишь, что у него нет левой руки.

– Вы все – подонки. Я даже не знаю, что забыл у вас. Да знаете, что... – он говорил голосом бывалого моряка, побывавшего во многих странствиях.

Он ещё долго будет вести этот бессодержательный монолог. Судьба расправлялась со многими хорошими писателями и более худшим способом. Сергей станет рассуждать о последствиях войны, которая тогда перестанет быть интересной даже для жителей его родной страны. До этого момента, в своей жизни ты встретишь только одного писателя – как ни странно – тоже с Украины. Его будут звать Дереш и он пожелает тебе по-украински: «Мудрости простых слив». И вот она – мудрость:

– Заткнись, – скажешь ты.

Сергей тут же замолчит. Ты улыбнёшься и в мыслях поблаговаришь мудрого украинца.

– Вопрос, Сергей, – спросит Вооружённый Философ, – как ты сюда попал? Хотя кто-нибудь знает?

На этот вопрос не найдётся ответа ни у кого.

Перед тобой – будет лежать мир; и ты захочешь его понять и осмыслить. Поколения, жившие до тебя – переживали мировые и духовные революции: развалы империй и старых стандартов. У тебя же – нет ничего. Иногда, бывают такие времена и поколения, на долю которых не выпадает интересных времён. Но ты – будешь молодым. И молодость твоя – будет временем героизма, которую ты будешь вспоминать с особой теплотой все свои последующие года. И вокруг всё стоит на месте – пусть вечно движутся мысли внутри тебя.

Вооружённый Философ выбросит окурок из окна – от него потянет сигаретной вонюю. В его глазах – будет дорога; и впереди – то, о чём, возможно, вы будете жалеть. Но жизнь – и так полна невыразимой скуки. И нет сил продолжать так жить. Пора поднять якорь и бросить все силы на путешествие в глубины собственного сознания. Ты не будешь думать о том, что уже позади; ты станешь мечтать о том, что у тебя впереди. А там – закат; и с красотой смерти, сядет солнце.

А затем – будет тихая, бессонная ночь. За окнами – будет дуть ветер перемен. А когда настанет рассвет – никто из вас уже не будет собой.

Вооружённый философ включает музыку. Заиграет «Stressed out». Ты подумаешь: «Какой ужас».

– Можно переключить на что-нибудь другое?! – спросишь ты, требуя.

– А чего ты хочешь? – Философ достанет свой самсунг, – думая, наши спящие друзья сзади не будут возражать, если мы устроим вечернюю музыкальную церемонию.

Ты подумаешь и спросишь:

– Всё, что хочу?

– Да.

Что бы ты выбрал?! Ты сделаешь свой выбор. Ты подумаешь: «Ну что, ему понравилось?». Вооружённый Философ выглядит довольным.

– Хорошо, – скажет он.

Он включит «Солнце Мёртвых» Славы КПСС.

И под эту музыку – ты станешь размышлять о прошлом Вооружённого Философа. Пересматривая в голове этот совсем не захватывающий фильм под названием «биография одного друга» – ты придёшь к выводу, что всю его историю можно уместить в одну ёмкую фразу: «Он сжигал жизнь, чтобы наслаждаться её сгоранием и понаблюдать в будущем за её финалом». Ничего удивительного в его биографии нет; он интересный человек – этим всё и кончается. Говоря практично – у него нет вообще никакого прошлого; зато – славное настоящее и не менее дикое будущее. Жизни таких людей – стоять дешевле бензина для машин, на которых они

ездят; но будут бесценны – потом.

«Джипни» резко остановится.

– Хватит прохлаждаться – всем подъём! Пришло время действовать, буржуи! Мы ещё покажем этим грязным пролетариям!

Трое на заднем сиденье проснутся и выйдут из машины. Ты последуешь их примеру. Они будут идти быстро и решительно за Вооружённым Философом – как будто знают, куда идут. Ты не будешь строить себе подобных иллюзий и спросишь:

– А куда это, собственно, мы движемся?

– Правительство «отнюдь не волшебной» страны, в которой мы живём – террористы. Они собираются бомбить маленький городок на севере только потому, что он решил присоединиться к нашим «любимым» соседям. Я не знаю, как они собираются выкручиваться потом с международными судами в Гааге – но мне всё равно. Я не дам им этого сделать. Если народ решил быть независимым от страны эксплуататора – то это его дело и никто не имеет право ему в этом мешать – да, Сергей?

– Да! – крикнет он, – мы, Украинцы, добились своей независимости – и никто не посмел нам возразить.

– А Донецк? – спросит Анри, – которому я посвятил целых десять минут в своём «Обозревателе»?

– А Донецк – это Украина.

– Так, тихо всем!

Ты подумаешь: когда я буду стариком, я смогу сказать своим внукам: Я предотвратил войну» или: «Я сделал всё – ещё только хуже» – без разницы. Всегда нужно пытаться предотвратить кровопролитие.

– Сартр, ты взял бомбу?

– Я не Сартр – моя фамилия Ботэ.

– А глаз косит как у Сартра. Ты взял бомбу?

– А люди не погибнут, – спросишь ты у темноты.

– Нее, – ответит она, – только испугаются. Самолёты плохо охраняют.

– А как ты узнал об этом налёте? Разве это не секретная информация.

– Когда выпиваешь – и не такое можешь узнать, – ответит он, – будучи пьяным, я купил себе бумажную газету – там и прочитал.

Он засмеётся.

– На самом деле – нужно просто иметь правильных друзей. И так, начали.

Ты подумаешь: молодые и глупые – а уже решили сделать нечто подлинное и безумное. Хорошо слаженное извращение – получается только после многих лет работы. Это же – просто какой-то цирк. Ты посмотришь на лицо Джо – в нём будет – лишь желание славы. Больше ничего особенного. Он будет думать, что справедливо заслужил её. Он хочет награду. Мне хочется крикнуть: если вы боретесь только за справедливость – то остановитесь. Вы всё равно проиграете – и

она того не стоит. Она всегда приходит с опозданием, как минимум, на четверть века; и входит не тем боком. Но услышишь ли ты меня – в своём прекрасном будущем?

Всё будет происходить как во сне – но скорее, в кошмаре. Когда это кончится – у тебя появится странное чувство – будто этого и не было. Небо останется таким же тихим; звёзды – как нигде – будут всё так же ярко светить. Что повергает людей на такие поступки? Может, всё дело в этом лунном свете, что будет у вас под головами – он не даст спать лежащим; и будет гнать ходячих.

Взрыв.

Раздадутся крики. Пронесёт в воздухе мысль: «А чего, собственно, в этом хорошего?» – и тут же будет унесена ветром прочь. Ничего, наверное, и не будет в этом хорошего. Но так – будет. И всё. Это правда – и больше ничего сказать нельзя.

Но Джо, всё-таки, скажет:

– Ю-хуу!

– Тише, – станет шептать философ-террорист, – отпразднуем это в безопасности. Они уже ищут нас.

Ходит ошибочное мнение, что тоталитаризм – это когда все сидят в тюрьмах. Тоталитаризм – это когда повсюду – одну посредственности. Когда люди вокруг – не то, что бы не имеют своего мнения – но не способные сказать: «нет». И хорошо, что есть ещё те, кто могут бороться за «нет», говоря: «да». При тоталитаризме – время всегда стоит на месте.

Ты скажешь:

– Нужно вновь запустить время – двинуться в путь. Не важно, что там нас ждёт. Пусть в конце этой дороги из золотого кирпича – нас будет ждать гора металлолома. А может быть – лучший мир. А может быть...

– Да заткнись ты!

Вы: Художник, Вооружённый Философ, южный африканец-бродяга, бывший телеведущий и ветеран войны десятих годов сего века на Украине – будете бежать под лунным светом и под свистом пуль; под лай собак и прожекторы вертолётчиков. Вы будете спасаться от губительного света; а ваш «джипни» – превзойдёт гоночный автомобиль. И в этой более чем нервной битве – вы выйдете победителями.

– А-а-а-а-а-а!!!!

Вооружённый Философ будет гнать со всей скоростью – даже после того, как проявит себя как лучший в мире водитель. Вы увидите – опасность миновала. Не теряя ни секунды – вы выйдете из машины и сожжёте её дотла. А затем – ещё долго будете бежать, пока солнце не встанет на горизонте, припевая:

– Спокойнее, мужики, всё – позади.

– Ребята, – посаженный и тяжёлым воздухом, спросит Вооружённый Философ, – кто надрал задницы этим скотам?!

– Мы-ы-ы-ы-ы, – тихо, едва не ваясь с ног, ответят они.

Добравшись до ближайшей деревне – чудом оказавшихся у вас денег хватит на бутылку пива каждому – и на билет

на автобус до города. У вас будет полчаса до отправления. И пиво – будет иметь вкус победы. Победы над человеком в целлофановом пакете на голове.

Надрыв Второй

– Один философ древности, его звали Александр Грин, сказал: «Когда-нибудь, тебя позовёт к себе Несбывшееся». А я – философ современности – говорю: «Когда-нибудь, тебя позовут к себе все твои извращения». Дело даже не в сексуальных извращениях – дело в самом человеке; в самой жизни.

Чего никогда не сможет Вооружённый Философ – так это говорить тихо; даже когда он будет находиться в автобусе, он будет рассуждать вслух, делая вид, будто обращается к вам, но на самом деле – ко всем в радиусе ста метров.

Дело закончится всеобщим скандалом среди пассажиров почётного возраста – каковых в автобусе будет больше половины. Но это – ещё дело житейское. Ответный удар по психике бедных старичков нанесёт приведённый в ярость Сергей, вспомнившего все ругательные слова на семи языках – а их будет чуть меньше сотни. Некоторые будут настолько откровенными глаголами, что хоть и были произнесены на лирическом испанском, немецком и китайском – были правильно растолкованы. В конечном итоге, вас вышвырнут из автобуса за семь километров от города. Всё это расстояние –

вам придётся преодолевать пешком.

В это время, каждый будет заниматься своим делом: кричать, петь, засыпать на ходу. Пройдёт около двух часов, когда вы дойдёте до живописных окраин. На этом месте, стоя в двух шагах от дома, телеведущий, бродяга и ветеран, забыв все прошлые обиды, ещё несколько минут будут с улыбкой вспоминать вслух события вчерашней ночи – затем, каждый крепко пожмёт тебе руку и Вооружённому Философу – и уйдут.

– Куда они? – спросишь ты.

– Кто знает, – тихо улыбнётся Философ, – у них нет своего дома – нет своего прошлого. Для мира – все они – извращенцы. Вскоре – и мы станем такими же, как и оны.

Вы войдёте в город. На часах – будет полдень. Время кофе. У вас хватит денег только на дешёвую, горькую бурду из пластиковых стаканчиков – но вам не привыкать.

– Я каждую секунду благодарю судьбу, – скажет тебе Вооружённый Философ, когда вы будете сидеть на детских качелях в одном из дворов, – что родился в маленьком городке и реки. Сейчас, такие места – можно встретить, разве что, на старых картах. Моё родную деревню покинули все её жители – моя семья была одной из последних, кто решил бросить всё ради города. Но последние мгновения жизни той деревни – и первые годы моей жизни – были лишены всех бутафорий. Тогда, ещё в детстве, я смог познать, что такое «подлинность» и что такое – «подлинная жизнь». Только позже

– я понял, что значит «подлинная смерть» – только, когда я очутился уже здесь, – он указал пальцем в землю, – именно это – и сделало из меня философа. Я – не художник, как ты. Я – слишком серьёзный человек. Меня слишком многое в этом мире волнует: люди забывают о том, что следует помнить – о подлинности вещей, о границах времени. Нет, я слишком серьёзный человек. Но единственное, что делает всех нас – писателей, философов, музыкантов и художников – похожими, это то, что мы – все узники небес.

После этих слов, он скомкает стаканчик и бросил его на землю. Затем. Потом, скажет:

– Та жизнь – научила меня понимать, вижу я перед собой настоящего человека, или бижутерию. Эти трое – Анри, Джо и Сергей – настоящие люди, хоть мы и познакомились с ними всего неделю назад.

– И ты всё равно позвал их на такую операцию?!

Он пожмёт плечами.

– Я сразу вижу, чего хочет человек. Они – хотели этого; я – тоже. Решение очевидно. Что я ещё понял – это то, что каждый из них болен своей болезнью. У каждого из них – свой источник света, который освещает им путь и заставляет двигаться вперёд... А во мне – умер хороший поэт.

– Не такой уж ты и серьёзный человек.

– Возможно. Я ещё плохо разобрался – кто я такой. Но хватит разговоров – нам пора двигаться в путь.

Он встанет с качели и подымит за собой скомканный ста-

канчик. Затем, вы дойдёте до ближайшей автобусной остановки.

– До встречи.

– Удачи тебе!

Так заканчиваются истории.

И начинаются настоящие проблемы.

Город – это памятник сотен побед; и тысяч горьких поражений – твоих.

Именно таким – он предстанет перед тобой. Взглянув на него с высоты пятидесятого этажа, тебе может показаться, что в его видах – ты можешь различить черты своего лица.

Всем давно уже известно: счастливый брак – бывает лишь в рекламе. Почти всегда – для обоих – это трагедия. Особенно, когда решения принимаются слишком быстро людьми, которые не могут терпеть отказов, унижений и долгих часов ожиданий.

Выйдя из автобуса и вступив на асфальт, ты подымешь глаза на дом Мадам – и увидишь толпы спасателей, полицейский и случайных прохожих. Ты пробьёшься сквозь людскую массу; и среди всей этой суматохи – ты встретишь Фрау-домовладелицу.

– Что случилось? – спросишь ты и в ту же секунду получишь мясистой рукой по щеке – чуть не повалишься на землю не столько от удара, сколько от удивления.

– Ах, ты негодник. Что бы к вечеру и духу твоего не было в моём доме.

– Что случилось? – повторишь ты свой вопрос, но уже в три раза тише, щупая место подлого удара.

– Ты бросил свою жену! Бедная девочка – искала тебя всюду – всех друзей, которые к тебе постоянно заходили, обошла. Никто тебя не видел – никто не знал, где ты. Бедняжка выпила с горя – а всё из-за тебя. Она выпала из окна твоей комнаты – а перед этим, запачкала в ней все простыни. Все простыни! Были бы наши судьи посправедливее – так тебя бы расстреляли. Но ты получишь своё, обещаю! Я выгоняю тебя, – она ткнёт в тебя своим ногтем-пикой, – я выгоняю тебя! Ищи себе другую нору, пёс паршивый!

Она скажет это со всей страстью – полной грудью. Прочитать этой женщине – значило бы то же самое, что спорить со смертью. Но ты будешь напуган – и будет из-за чего.

– Но... я живу у вас уже четыре года – и все долги, которые задолжал – отдал; чего нельзя сказать о больше части ваших квартирантов.

Она презренно отвернёт голову. Воистину, нигде на Земле больше не будет таких женщин – одно молчание которых будет повергать мужчин в страх.

– Но я не убивал её – она сама!

У тебя в голове пронесётся мысль: супруги – как механики, которые чинят свой брак, которые с первых мгновений – годен только для коробки для брака. А любовники – не более, чем просто третьи и четвёртые механики. Но тогда – будет совсем не до подобных мыслей.

– Она упала из-за тебя! Нужно было думать прежде, чем на ней жениться. Я бы тоже покончила с собой самоубийством от супружеской жизни с Хорхе – если бы он не убил себя раньше.

Жениться рано – всегда опрометчиво. Возможно, это самая роковая ошибка

– И ты заслуживаешь быть выкинутым вон, если у тебя нет никакой ответственности.

– А что мне делать с моими картинами?

– Теми, что остались?..

– Остались?!

– Твоя жена там живого места не оставила. Конечно, возможно, что-нибудь осталось. А знаешь – ты этого заслужил. И даже не вздумай сказать мне, что нет. Что сможешь унести из своей комнаты – унеси. Всё прочее – я вышвырну прочь, как и тебя. А теперь: вон! Вон! Вон!!!

Ты не успеешь и моргнуть, как окажешься без крыши над головой в большом городе, который неожиданно покажется тебе недружелюбным, холодным и незнакомым. Под ногами у тебя: твои холсты, работы, наброски, эскизы и рисунки – и нужно будет быстро разобраться, что делать со всем этим бесполезным барахлом, таким дорогим для твоего самолюбивого сердца. Денег у тебя останется уже совсем немного – большую часть твоего гонорара Анна потратит перед своим самоубийством. И так: когда тебе покажется, что жизнь – налаживается – в ней настанет лишь ещё больший бардак.

И пора будет снова тебе разгребать его.

И придумать – что, наконец, делать со всем этим?! С картинами, с жизнью – с собой?! Это вечный, безответный вопрос – но на него: либо получаешь ответ, либо – умираешь.

Не то, что бы солнце вдруг станет влажным и перестало светить – но мир покажется тебе другим. Хотя, конечно, к тебе миру нет ни малейшего дела. С равнодушием он будет смотреть, как ты радуешь – так же легко он будет смотреть на все твои страдания и мольбы о пощаде. Тебя – будет готова уже уничтожить любая мелочь.

В галереях, в которых тебя знали и не очень любили, за твои картины предложат меньше, чем стояли холсты.

– Почему?

– Холст – испачкан.

Поэтому, тебе не останется ничего, кроме как самому продавать их. Твои картины могли бы украсить мировые галереи – но ты станешь продавать их за сущие гроши. Ты будешь стоять на площади и предлагать свои услуги:

– Портрет? Пейзаж? Натюрморт? Композиции Кандинского – недорого!

Ты всё будешь стоять и стоять с мыслью, что каждый прохожий сможет бросить в тебя камень – ты не сможешь успокоить сосущую тебя мысль: что делать дальше? Однозначного ответа на этот вопрос, как всегда – нет. Зато, у тебя будет неоднозначный – почти, как европейское кино. Ты поймёшь: тебе пора избавиться от гнетущего тебя груза.

Из миллионов городского населения – только десять тысяч смогут оценить твои работы. Из них – лишь сотни будут готовы это сделать. Из них – всего пара человек смогут реально тебе помочь. И все они, как назло – разбросаны и даже не будут подозревать о твоём существовании.

Какой из этого напрашивается выход?

Мой генерал – дело совсем уж дрянь. Поэтому, избавиться от бездарного – как тогда тебе покажется – груза ты решишь действительно: красиво и достойно. Ты начнёшь развешивать картины – одну за другой – на все выступления, встречающиеся тебе в подворотнях, переходах, улицах, дворах широких проспектов. Ты будешь сеять их всюду, превращая город – в одну огромную картинную галерею, посвящённую лишь одну творцу – тебе. Это – будет самый большой музей искусства на Земле. И хоть по причине ветров, дождей и варварства – просуществовать дано ей будет не долго – тебе хватит того краткого мига, когда о ней можно будет сказать: «Она есть». Всё в этой жизни – делается ради коротких мгновений. Сколько людей будут гнуть спины – и всё ради пары дней человеческого отпуска. И бесполезно будет говорить, что если бы не гнули – то не понадобилось бы отдыхать. Ещё как понадобилось бы. И достойным памятником той красоте, что живёт секунду – и так же быстро умирает – стала твоя миниатюра, которую ты повесишь на одну дворовую стену; а через пять минут – её сожжёт баскетбольный мяч. Только деревяшка – и той почти не останется.

Избавившись, таким образом, от всего своего добра – ты получишь достойную награду – свободу и возможность восстановить всё, что так легко потерял. И, возможно – превзойти себя. Ну что ж – беги. Я вижу – у тебя будет на уме парочка ответов на поставленный вопрос.

Что делать?

А вот – что.

Как слепой в картинной галерее, ты пойдёшь на встречу, о которой договоришься по телефону, на жалость выпрошенного у случайного прохожего. Судьба того добряка, одолжившего тебе в наш век свой телефон – останется неизвестной и ветер унесёт её прочь. Но появление этого случайного человека – спасёт тебе жизнь. И вот – ты пойдёшь на встречу к старому знакомому. Ты не будешь осознавать, что происходит вокруг. Разглядывая номера машин, лица прохожих; особенности местной архитектуры и рекламные борды – ты будешь вдыхать дым электронных сигарет и пытаться вспомнить: куда делось послание от ребёнка-тебя – к тебе-настоящему?! Ведь своё детством – как сильно ни будешь стараться – ты так и не сможешь вспомнить. Хоть оно и было – осталось от него – только твоё тело; и больше ничего.

Просто стоит приглядеться получше – и я всё пойму – подумаешь ты.

До человека, навстречу которому ты пойдёшь – останется одиннадцать шагов. Ты забудешь обо всём, о чём думал минуту назад; секунду назад. Этот человек – станет полно-

правным властелином твоего внимания, твоего воображения и твоих надежд.

Сея совсем незатейливая фигура подаст дружелюбного тембра голос:

– Ну что, дружище, звал меня?

Телефонный номер персоны перед тобой – будет единственным номером, который ты вспомнишь. Человека этого – будут звать Серж Дерьо; но это – только в паспорте. Немало событий из его биографии – не раз заставят его клясться, что это имя не выдуманно и что он – не кто иной, как Серж Дерьо.

Школьный учитель; убеждённый холостяк. Убеждённый оттого, что ни одна женщина его на дух не сможет перенести. Да и сами женщины – не очень-то будут нравиться ему. В твоём богатом прошлом – он даже купит у тебя несколько картин. Именно так – через любовь к прекрасному – вы и встретите друг друга; и вам суждено будет стать неплохими друзьями. Правда, ему захочется большего – но ты дашь понять, что ничего он от тебя не добьётся.

Но всё это – будет в прошлом.

Последняя картина, которая останется у тебя – будет небольшим подарком для него. Это будет единорог в клетке, выраженный через проблему мифа в асоциальной, гипсовой среде. Но Серж на ней увидит – только член; всё поймёт, кивнёт и улыбнётся.

– О-о, как мило! Ты позвонил мне только для того, чтобы вручить её мне?!

– Вообще-то, не только... Серж, в общем, можно мне переночевать сегодня у тебя. Я задержусь совсем ненадолго.

– Конечно! А что случилось?

– Меня выгнали из дома. Не спрашивай сейчас, пожалуйста, меня об этом. Это долгая история; будет время – расскажу. Я прожил там семь лет...

– Потом расскажешь! Сейчас – нам нужно пойти поесть.

За это – ты и будешь любить Сержа; хоть и как друга. Он – всё поймёт.

– Скоро – стемнеет, – скажет он, сливаясь воедино и гамбургером, – нужно уже идти – мне совсем не хочется возвращаться домой ночью.

Ты кивнёшь; допьёшь свой кофе и встанешь из-за стола. Бросишь взгляд на тёплый интерьер заведения; и без боли в сердце – навсегда распрощаешься с ним.

Дом Сержа – будет ждать вас.

Разоблачение Второе

– К тебе часто приходят меткие мысли? – спросит Серж, на что у тебя не сразу найдётся, что ответить, – когда в моей голове возникают какие-либо образы – я пытаюсь дать им логическое тело, выведенное синей пастой обязательно на офсетной бумаге.

Ты ответишь молчанием – тебе нечего будет сказать.

– Идеи – могут приходить в любое время, в любой ситу-

ации; чаще всего – не в самые благоприятные. Моё умение в том, что я всегда нахожу средства и возможности для реализации письма. Я считаю, что это – можно назвать «настоящим искусством». Ну, по крайней мере – достойным мастерством. Ведь если хоть немного помедлить, то муза – или то, что мы ею называем – попросту испариться; и больше – никогда не вернётся снова.

Он залпом осушит половину кружки с горячим кофе. Затем, он возьмёт в руки ручку.

– А ещё, я люблю долговечные ручки. Сколько их имел – ещё ни одну из них не смог довести до конца. Всегда что-нибудь происходило: я их терял, ломал; один раз даже, случайно, я её сжег. Я никогда не мог полностью её исписать. Мне кажется уже, что когда одна из таких ручек перестанет писать, испачкав десятикилометровой линией гору бумаг, кончится – и моя жизнь. Смешно, правда?

Ещё как, месье Серж. Но ты – ничего не ответишь. Ты будешь делать вид, что случаеть его бесполезные разглагольствования. Ты попытаешь думать о своей несчастной жене и о своей пропавшей сестре; о новых картинах, в конце-то концов. Но не о Серже.

– Я помню ещё, как три года назад, как мы вместе провели лето. Помнишь, как мы тогда гуляли?

– Да.

Конечно же, ты всё будешь помнить. Но в тот момент – тебя будет одолевать невыразимая скука. Серж ещё немного

будет смотреть себе в кружку; затем, скажет:

– Я всегда любил готовить кофе себе сам. Я беру джезву. Сорок секунд дожариваю в ней зёрна мелкого помола. Затем, я уменьшаю огонь и добавляю воду. Через минуту – я добавляю щепотку соли – чтобы он имел более выраженный вкус. Я взбалтываю джезву, давая кофе равномерно распространиться по воде. Спустя три минуты, я добавляю три щепотки корицы и делаю то же самое, что и после соли. Затем, ещё один раз снимаю турку с огня – спустя минут пять. После этого – жду, пока он, свистом – не сообщит мне о своём приготовлении. Мне действительно нравится этот кофе – не потому, что его готовлю я, а, скорее, потому, что мне удаётся правильно на практике применить своей опыт. Я готовлю кофе уже больше тридцати лет. Редкие гости говорят, что у меня хорошо получается. Но они – сообразили бы больше, если бы пили его, как я, на протяжении стольких лет каждый день. Я всегда говорил: вкус – приходит с опытом. Так происходит, буквально, во всём: в кофе, в сексе, в работе, в любви. Я прожил уже почти полвека – и я могу назвать себя опытным человеком во всех перечисленных отношениях. Я могу сварить отличный суп – и правильно пожарить рыбу. В своих статьях, я выстраиваю новые модели общества. В свободные от работы часы – я люблю размышлять. О разнообразии миров, о пользе и вреде гороха, о Сталине и об этом стуле.

Тебя охватит невыразимая тоска. Тебе захочется закри-

чать во весь голос: замолчи! Дай мне побыть в тишине! Но ты не скажешь ничего. Ты будешь стараться не слышать. Но этот голос пробьётся к тебе:

– С любовью – то же самое, что и с кофе. Любовный характер человека – это не пустой нарратив, а коэффициент всей его жизни. У всех – он индивидуален – даже больше, чем отпечаток пальцев. Как не одинаковых чашек кофе, приготовленного вручную – так нет одинаковых любовей.

В дверь раздаётся звонок. Тот, кто будет стоять за дверью – войдёт внутрь. Ты обернёшься в его сторону – перед тобой будет стоять мальчик лет тринадцати.

– Это – Анри – знакомьтесь.

Ты скажешь, что рад его видеть – хоть твои чувства будут близки к беспокойству. Ты молча станешь провожать мальчика взглядом. Он же – обратит на тебя лишь мимолётное, незаинтересованное внимание – так, обычно, смотрят на муравьёв в саду. Анри снимет обувь; его ноги – будут не природно белыми. А пальцы на ногах – тонкими и чувственными. Фут-фетишист признал бы в них совершенство – но ты просто взял этот факт в общее представление о нём.

Он медленно прошагает к барабанной установке в углу; наденет наушники и начнёт играть. И хоть в этом шуме ты не услышишь ни мелодии, ни темы – один только ритм – ты подчеркнёшь, что и этого достаточно. Анри полностью погрузится в музыку, которая будет звучать всё громче и громче. Так будет звучать мир вокруг; ты художник – ты так это

услышишь.

Ты признаешь в этом мальчике мастера. Музыка – так близка к живописи. Искусство музыки – её краски. И не важно: сто тысяч фанатов под героином перед тобой – или тесная, одинокая и грязная студия.

Искусство – не имеет границ – нигде.

Когда музыка смолкнет и Анри сложит вместе свои палочки: Серж начнёт громко аплодировать, улыбаясь до висков; а ты, тем временем, заметишь, что за окном – уже совсем темно. Наступит тихая и глубокая ночь; и ваша субмарина – продолжит плыть к неизвестности, вдали от радости, смирившись с философской тяготой долгих дней.

Догадайся – зачем здесь этот мальчик? Ты слишком хорошо знаешь Сержа, чтобы не думать о плохом. Ты заглянешь ему в глаза, а он, тем временем – забудет о тебе.

Тебя не будет здесь. Ты – не из тех художников, что всегда стоят в центре событий и ведут людей за собой. Ты всегда будешь призраком, который, однако, видит лучше всех остальных – насквозь. Ни одна деталь не ускользнёт от тебя – тебя не обманут – тебя даже не заметят. И ни одно из событий вокруг тебя не ускользнёт от кончика кисти, опущенного в краску и оставляющего отражение правды и идеи на холсте. Так – через невидимость и честность – ты будешь познавать мир.

Ты посмотришь на Сержа. Нет, он не покажется тебе сумасшедшим, от которого можно ожидать чего угодно. Он будет

внушать окружающим уважение своим острым умом и точностью высказываний и весёлым характером. Ваша дружба – могла бы не прерываться никогда – ведь он был одним из тех людей, рядом с которым всегда чувствуешь себя уверенно. Дело в том, Серж – это Серж. Извращенец. Но он – никогда никого не принуждал – он всю жизнь, до печальной своей смерти во время революции, будет презирать насилие. Но не бояться за этого молчаливого мальчика с белоснежными ступнями – ты не сможешь. Ты почти не будешь отрывать от него взгляда. И в глубине души, ты поймёшь Сержа.

Оба начнут о чём-то перешёптываться. В конце разговора, Серж улыбнётся и подойдёт к тебе:

– Этот парень – просто чудо; он и поэт – наверное, будет не хуже Бродского. Он – сын одной студентки. Весьма неоднозначная особа.

Серж покажется тебе чем-то обеспокоенным.

– Мне кажется, он немного болен. Этой болезнью страдает 70% нашего населения.

Ты вспомнишь, как в былые, славные времена – этот человек пытался превратить своё имя в легенду. Серж однажды покажет тебе шрам от укуса собаки, который получил в Австралии во время перехода по пустыни. Но в тот миг, он покажется тебе – просто извращенцем, которым должен заплатить по всей строгости закона. Однако, как противостоять своим желаниям?!

– Эта болезнь – паталогическая неспособность чувство-

вать, что всё делаешь верно.

Извращения – всегда находят нас. Они лежат между двумя нижними этажами человеческой души. Первый – это саморазрушение; второй – это самопознание. Но все извращения, разрушения и познания – сводятся к одному: человеку нужна любовь; правда, человек – не всегда нужен любви. Поэтому, так много извращений.

– Я знаю, о чём ты думаешь, дружище, – он посмотрит на тебя.

Ты подумаешь, что ему следовало бы добавить: «Пожалуйста, пойми меня».

– Пожалуйста, пойми меня, – скажет он, – в этом нет ничего отвратительного. У любви – не бывает возраста; главное в ней – близость душ.

Ну, разумеется. Любое извращение – лишь вопрос вкуса.

– Прости, мне нужно выйти, – и он уйдёт.

Ты положишь ногу на ногу и станешь глядеть в окно от жизненной. Такова она жизнь – на борту субмарины.

Ты попросишь Анри подойти к тебе.

– Почему ты здесь.

Он сядет.

– Не твоё дело, бомжара.

– Ты знаешь, вообще, что этот человек – немного не в себе. Ты что – собираешь здесь ночевать?! Ты его совсем не боишься?! Ты, вообще, знаешь, к чему это может привести?! Где твоя мама.

Он будет смотреть на тебя, как на последнего идиота.

– Ты нормальный?!

Когда этот вечер вновь возникнет в твоей памяти уже через много лет у самого конца твоей осени, ты не вспомнишь, кто сказал эту фразу: Анри или ты. Но в тот момент – вы будете одинаково безумными. Так что, это и не будет иметь значения.

– Моя мать, наверное, сейчас в какой-нибудь канаве, – ты подумаешь, что этот мальчик немного преувеличивает, – да я – хоть неделю могу дома не появляться – ей будет наплевать. Она этого даже не заметит. Она выгнала из дома моего отца – и я не знаю, где он теперь. Она никогда не бывает дома по вечерам – он вечно нигде нет. Я ненавижу её. Я вообще терпеть не могу девчонок – они все такие.

А кто твои родители?

– Почему я должен быть любящим сыном с такой матерью?! Я не просил себя рожать.

Ты ничего не сможешь сказать в ответ.

– Да чего ты пялишься на меня?! Зачем я тебе нужен?! Чего ты уставился на меня, я тебя спрашиваю?!

Ты подумаешь, что на улице ночевать было бы лучше.

– Хорошо, что всё это – ненадолго. Скоро, она умрёт.

Эти слова, сказанные с ноткой удовольствия, окончательно выведут тебя из себя. Ты не сможешь находиться в этой комнате ни секунды. Ты встанешь и отправишься к выходу, сопровождаемый пристальным взглядом Анри.

– Она сама выроет себе яму. Она прыгнет в неё голышом с криком... – услышишь ты затылком.

Ты приведёшь себя в порядок только в коридоре с фиолетово-бежевыми полосками. Ты облокотишься левым локтем на стену. Бедняга – подумаешь ты. Со сколькими ещё жизнь обойдётся так же?!

Добро пожаловать в наш великий, славный мир.

Серж беспокойно посмотрит на тебя:

– Что-то случилось, – а потом, он всё поймёт, – я знаю – он довольно сложный мальчик. Но постарайся и ты понять его. Кофе?

Иногда, ты удивляешься: сколько кофе может выпить человек и не умереть – и даже спать при этом спокойно.

– А-а-а... – соберёшься ты восстановить разговор, – в школе? У тебя, не знаю, есть подружки? Друзья, может?

– Я их – ненавижу, – впрочем, на что ещё ты мог надеяться, – когда я был во втором классе – все завидовали мне – для них я был слишком «красив».

Он будет на грани истерики. Позднее, Серж расскажет тебе историю о том, как однажды в его школе, школьницы постарше заманили Анри в женский туалет, сняли с него штаны и долго смеялись, крича: «Девчонка! Девчонка!». Эти девочки, если верить Сержу, сейчас учатся на университете по курсу «Социальной защиты».

Анри станет плакать в себя. Хуже него тогда – будешь чувствовать себя только ты. Он прижмёт голову к коленям и ста-

нет тихо посапывать. Серж откровенно подойдёт и обнимет его.

– Я подарил ему сборник стихов Поля Элюара. Помнишь, Анри.

– Да.

Он скажет после:

– Тогда – я и начал сочинять стихи. Я хотел быть как месье Элюар, – он добавит так же с гордостью, – я очень люблю рок. Любой. Я по-тихому воровал у мамы деньги. Серж немного помог мне – и я смог купить себе барабанную установку. Когда-нибудь, я стану настоящим ударником. Наверное, это моя мечта.

От кофе у тебя начнут трястись руки и дёргаться глаз. Тебе будет сложно сконцентрироваться на рисовании. Ты будешь рисовать портрет рокера в старости. Анри прорвёт на откровения:

– Однажды, после урока физкультуры, я был с другими парнями в раздевалке. Там был один мальчик и... и я представлял его член у себя во рту.

Это болото снаружи и внутри нас. Смотря на портрет рокера, который получится у тебя как-то корявенько, ты поймёшь, что плевать хотел и на Сержа, и на этого мальчика с белоснежными ступнями, и на то, что Серж сделает с ним. Тебе, разве что, будет жаль его; он не любит свою мать и мать – не сильно, видимо, любит его.

Но кем, чёрт возьми, будут твои родители? Как ты вообще

появился на этот свет?!

Серж, разогревая очередную чашку кофе, скажет тебе, что однажды Анри стал жертвой побоев. Он был на какой-то вечеринке – Серж сам не сможет сказать, на какой именно – которая была из разряда тех, на которых никто не знает друг друга. Тогда, Анри понравился один мальчик и он попробовал закадрить его. За это, четверо парней постарше избили его. Анри пять недель пролежал в больнице со сломанными костями – его тело навсегда сохранит на себе следы от тех ударов, которые стали символов ненависти и презрения гетеросексуального большинства над геями.

– А что было дальше? – тебе всё это покажется нереальным. Это – как в кино, снятое про кино, в котором герои читают друг другу истории. И эта история в истории – этого мальчика. Какое сострадание он заслужит?!

– Когда я уже полминуты лежал на земле и они были меня уже не в нос и не по почкам – а по ногам и рука – я уже не чувствовал боли. И тогда, когда я лежал в луже собственной крови, я чувствовал, что меня бьёт весь мир.

Ты зарисуешь портрет рокера в старости, а затем – скомкаешь и бросишь в угол. Ты возьмёшь карандаш и листок бумаги – и начнёшь работу заново.

Анри понравится, что ты так усердно работаешь над ним. На самом деле – художник никогда не работает для других. Их природный эгоизм – всегда заставлял трудиться только на себя – во имя искусства, лицом которого они видели себя.

Портрет рокера в старости – был ты. Ни Анри, ни Серж – тут не причём. Они вдохновляли тебя своими рассказами. Но всё – только во имя искусства.

– Я, вообще, люблю музыку. Но слушаю я, в основном, то, что другие называет «грустной музыкой». Мне лично – не кажется, что какая-либо музыка может быть по-настоящему грустной или не грустной. Есть хорошая, правдивая музыка – только такую – я слушаю. Может быть – она слишком тяжёлая и непонятная. Но мне кажется, что и мир вокруг нас – такой же, – скажет Анри.

Чёртов портрет. Ты бросишь наполовину выпитую кружку с кофе на пол и разорвёшь портрет на части. Нет, ты поймёшь – нужно рисовать не старость – а молодость. Ты снова возьмёшься за работу – как всегда – непосильную.

– Я много говорил с Анри – читал, одно время, ему разные лекции; я хотел привить ему любовь к литературе. Но потом, я отбросил всё своё интеллектуальное жеманство – я понял, что не просто не интересно то, о чём я ему говорю. Для него – психоанализ и четыре теории развития общества – просто чушь собачья. Я понял, что слушал всё это он слушал – только ради меня. Никогда в жизни, дружище, никогда в жизни я не чувствовал себя так гордо.

Дым будет повсюду. Сначала, он заполнит только кухню; потом – и всю квартиру. Будет казаться, что дом охватил пожар. Но ни у тебя, ни у хозяев дома – не будет никакого страха.

Будет три, или четыре часа ночи. Работа продолжалось. Попытка за попыткой, ты будешь пытаться передать образом свои чувства. Но, видимо, ты сам не поймёшь, что чувствовал тогда.

– Тогда, я впервые сдал экзамены в школе на высший бал. Нет, серьёзно: для меня – это был шок. Я и не мог подумать, что умный. Я просто знал ответы на все вопросы на том листке. Я не знаю как, но кто-то помогал мне. В тот день, учительница похвалила меня. Я вернулся домой и стал писать стихи.

Серж потеряет всякое чувство такта:

– Знаешь, а ведь он онанирует на одного своего одноклассника, – разумеется, он скажет это, когда вы будете стоять вдвоём на балконе и никто, кроме ветра и тёмного города – вас не услышит, – а ты – часто онанируешь?

– Как ты умудряешься быть таким пьяным, когда пьёшь только кофе?! Или ты – просто мудака?!

Серж улыбнётся.

– Я никогда и не имел каких-то завышенных мнений о себе. Прости, если обидел.

У тебя не будет ни сил, ни желания что-либо ему объяснять. При всей твоей благодарности к человеку, который выручит тебя в трудную минуту, его общество будет тебе невыносимо; как и общество почти всех людей на Земле.

– Серж оказался таким же одиноким, как и я, – скажет Анри, за что заслужит лишь твой ироничный и усталый взгляд

художника, которому вечно всё мешает работать, – он был единственным, кто понимал меня. Он рассказывал мне разные истории. Знаешь, о жизни: о его жизни и о жизни персонажей из книг. И много – о любви. Ты смотрел «Горбатую Гору»? Я смотрел десять раз. Знаешь, Серж говорит, что к жизни нужно относиться по-философски: «юмор – как шпага; любовь – как щит» – так говорил один француз. Серж постоянно повторял это. Он говорил, что это – очень важно для всех людей – особенно, для геев и евреев в таком враждебном мире.

– А он обо мне что-нибудь рассказывал.

– Конечно. Он однажды сказал, что ты – лучший художник из всех, кого он когда-либо знал.

Ты пожмёшь плечами.

– А почему ты назвал меня «бомжарой» когда мы только познакомились?

– Не знаю, – задумается он, – ты мне, сначала, не понравился. У меня всегда так бывает – мне не очень нравится знакомиться с новыми людьми. А им – не нравлюсь я.

– Но я же к тебе хорошо отношусь. Почему ты думаешь, что другие должны относиться к тебе по-другому?

Ты – художник, а не психолог; так что, лучше не играть с материями, которые тебе неизвестны.

– Не знаю, – ответит он.

– А что ещё Серж рассказывал обо мне? – только в этот момент ты заметишь, что всё это время – Серж стоял за спи-

ной.

– Он говорил, что ты был седьмым, кто разбил ему сердце. Но это – ничего – так ещё он сказал.

– Правильно говорит, дорогуша! – скажет Серж, – в жизни – всегда нужно иметь терпение! И жизнь, однажды, даст тебе то, что ты заслуживаешь.

Когда Серж снова удалится неизвестно куда, Анри скажет: – Он – самый мудрый из всех, кого я когда-либо видел. Он – намного лучше всех тех глупых и, наверное, выдуманных мудрецов из школьных учебников.

Затем, Серж вернётся. На его лице будет сиять всё та же улыбка, будто та – никогда и не слетала с его губ.

– Я хочу спросить тебя, – начнёт он на повышенных, смешных тонах, – хочешь ли ты присоединиться к нам? Ну, ты понимаешь.

Ты ненадолго оторвёшь грифель карандаша от бумаги и скажешь решительно:

– Нет.

– А ты будешь нам мешать? – Серж испытующе поднимет брови.

Серж знает, что за то, что он собирается делать по законам ваше страны будет предусмотрено – минимум три года тюремного заключения. Так что, пустив тебя в свой дом именно в этот день – он показал, что доверяет тебе одну из самых важных и опасных его тайн.

– Нет – не буду. И ничего никому не скажу. Если вы оба

этого хотите – то просто оставьте меня в покое.

– Люблю тебя, дорогуша, – расцветёт он, – а диван – вон там. Кровать – только одна.

Он покажет пальцем на угол у книжного шкафа.

– Если передумаешь – ты всегда сможешь присоединиться к нам.

Анри и Серж скроются за дверью. Ты возьмёшь наушники и телефон Сержа. Разблокировав его – ты включишь музыку на максимальную громкость и постарайся не замечать ничего, что происходит вокруг.

Что ждёт тебя завтра?

Перед сном, ты будешь слушать правдивую музыку. Ты согласишься на гору набросков. На столе – будет лежать последняя, самая правильная твоя работа.

Её тоже нужно будет уничтожить – подумаешь ты – но не сегодня. И медленно, под электронные аккорды, ты уйдёшь в сон. За окно – медленно будет подниматься солнце.

Побег Первый

Под утро, ты увидишь, застывши в дверях: два всадника лежат в обнимку друг с другом; любя, хоть и нельзя им быть вместе. Ты увидишь: человек, который вполне мог стать Иисусом-социопатом – станет простым извращенцем. И свою болезнь – он называет «любовью». Болезни нужно лечить. И лучше лекарство от любви – это сама жизнь.

Ты согласишься уйти отсюда – тебе будет невыносимо на-

ходить в этом доме ещё хоть секунду. Ты оставишь записку: «Henri, sois un homme» что будет значить: «Анри, будь мужчиной» или: «Анри, будь человеком». И ты даже не потрудишься в этой записки объяснить, что всё это значит.

Перед своим уходом ты подумаешь, насколько низко может пасть человек и даже не подозревать об этом. Наоборот, со страстью падающих с обрыва мышей леммингов, он хочет показать миру, что нечего стыдиться самого себя. Лучше держать свои болезни и свои невроты у всех на виду – и пусть никто не смеет что-либо возразить – ведь это природно. Упасть и всё равно быть над всеми – быть Сержем.

Ты задержишься ещё в этом доме – тебя перехватят у самой двери и предложат чашечку кофе; ты не сможешь отказаться. Серж будет стоять в бордово-полосатом халате у плиты и варить свой обыденный кофе. Под его халатом, скорее всего, не будет ничего. Анри и не посмотрит на записку, лежащую на подоконнике. За окном: будет играть безымянный оркестр тысячи кондиционеров высотных домов; водопроводных труб, гудения утренних пробок и завываний восточного ветра. Раньше, когда города были пустыми, люди понимали под словом «город» совсем иное, что чувствуем мы сейчас. Для нас – город давно уже стал нашим собственным, внутренним миром. И как бы далеко мы от него не уехали – наши мрачные улицы – всегда будут с нами. Так что, нет смысла никуда убегать – это лучшая в мире тюрьма.

Музыка погрузит тебя в состояние далёкого внутреннего

созерцания. Это – невозможно будет сказать словами – об этом будет преступлением писать. Поэтому, ты просто будешь чувствовать эту секунду; и в ней – будет вся, долгая и короткая твоя жизнь.

Серж будет поедать мрамор голого тела мальчика голодными глазами: шею, руки, живот, ляжки, колени, щиколотки. Он поставит три чашки на стол и поочерёдно вольёт в них кофе. Ты попытаешь больше не смотреть на Анри; зато он – будет пристально вглядываться в тебя. Ты упорно будешь делать вид, что не замечаешь этого. Ты сделаешь последний глоток кофе на голодный желудок – ты погрузишься в усталое, бездумное состояние. Тебя со всех сторон окружают извращения – но ты упорно не будешь их замечать.

Вокруг: будет стоять тишина. И тут, ты чувствуешь, как колено Анри, сидящего напротив тебя, начинает медленно выпрямляться. Его пятка мягко ляжет тебе между ног, а пальцы расслабятся на животе. Ты схватишь его ногу и грубо отбросишь от себя. Затем, ты вскочишь с места и крикнешь в лицо Сержу – в сам воздух этой квартиры:

– Я – ухожу. Больше – вы меня не увидите.

Уже у самой двери, ты скажешь Сержу:

– Спасибо тебе за ночлег, – и добавишь, – но я надеюсь, что никогда не стану таким, как ты.

– Я тоже – очень долго на этой надеялся, – ироничной улыбнулся он и помотал головой, – но человек – обречён, рано или поздно, становиться тем, кого в молодости так пре-

зирал.

– В жопу!

С этими словами – ты со всей силой захлопнешь дверь, эхо от удара которой – разнесётся по всем бесчисленным этажам жилой башни. Дверь ударится так сильно, что отлетит обратно к тебе. Ты возьмёшь её за ручку, потянешь вниз и мягко закроешь за собой.

Затем – ты спустишься по лестницу вниз; выйдешь во двор. На языке – у тебя останется горький вкус крепкого кофе. Такой вкус – имеет ветер, когда жизнь наполняется ничтожной беспомощностью. Поэтому – чёрный кофе – это самый правдивый напиток.

Ты не захочешь «переходить улицу с закрытыми глазами». Ты подумаешь, что было бы неплохо попытаться сделать то, чего хотел когда-то добиться Серж. Но ты – так и не сумеешь. Ты окажешься недостаточно хорош.

Тебя окружают многоэтажки. Здесь – количество историй на квадратный метр – зашкаливает. Здесь – живут самые разные личности, единственное сходство между которыми – будет лишь то, что все они люди. И все они – хотят счастья. Их истории – бытовые. Они переполнены до краёв той жизнью, от которых даже обладателей самых стойких желудков потянет, прикрывая рукой рот, выйти из комнаты. Они все живут в двух шагах друг от друга – и не знают друг друга в лицо. И почти все они – невероятно одиноки. Они хотят украсить свою жизнь; сделать из жёлтого – зелёный. Но в этих поисках

чёрного лебедя – слишком большой риск стать белой вороной. Это – как идти по канату над обрывом – нельзя слушать то, что тебе кричат в спину и в лицо.

Люди всегда рискуют на этом пути. Ты увидишь, как Серж свалится вниз. И падая, он будет улыбаться. Ты проводишь его взглядом, покачаешь головой, траурно опустив голову. «Раньше, это был хороший человек» – подумаешь ты.

Сумасшедшие люди. Запах чёрного кофе с сигаретами. Хорошо, что есть люди, предпочитающие кофе с молоком и книжками.

Ты устанешь. Ты будешь на грани глубокой депрессии – а это яма, из которой куда сложнее вылезти, чем попасть. Ты поймёшь, что пора выбираться из этой окраины гетто – и двигаться ближе к центру. Но тебе уже давно пора понять: в этом мире – тебе ничего не дадут сделать просто так. Тебе не дадут даже спокойно сойти с ума – или проснуться однажды счастливым.

К тебе подъедет машина; из неё выйдут два пингвина-тигра в тёмных очках. Ты решишь: сопротивляться – бесполезно. И это уже будет означать – что ты стал мудрее. Они мягко посадят тебя на заднее сиденье и окружают с обеих сторон. Тем временем, водитель быстро сорвётся с места.

– И что вам от меня надо? – спросишь ты, хоть и будешь догадываться, что тебе на это скажут

Но вместо вежливого ответа – тебе несильно дадут кулаком в живот; а вместе с этим ударом – и понять, что ты здесь

– не вправе задавать вопросы. Слишком мала мушка – тратить на неё золото слов. И остаток дороги – вы проедете молча, в относительно дружеской атмосфере. Ты будешь искоса поглядывать в окно, пытаясь разглядеть, куда вы едете. Но ты – так ничего и не поймёшь.

Вы остановитесь; выйдите из машины. Краска за краской, мазок за мазком выведут контур этой мрачной и захватывающей картины. Прошлое – всегда может вернуться оглушающим эхом и разорвать тебя в клочья; особенно, если это – твоё дикое, бунтарское, забытое прошлое.

Детство – ты будешь вспоминать как ад. Ты боялся секса, боялся чувств, боялся жить – это нормально; так воспитывают «хороших» детей. Эта жизнь покажется тебе похожей на долгие годы на борту подводной лодки – такая же душная, скучная, без всякой альтернативы. Она будет той частью твоей книги извращений, которую нужно было – как можно скорее проскочить. Ты – устанешь от всего этого городского чистоплюйства.

И тогда, сидя на кресле и ожидая появления Его – ты будешь содрогаться каждую секунду; и ты вспомнишь, как из компании старика Иисуса и его мальчиков апостолов – ты попадёшь в общество Вооружённого Философа; и его банды, конечно же (пусть земля им будет пухом). А также: компанию Сержа и Ражаева. Отношение с местной мафией у вас будут «так себе». Этого – уже достаточно, чтобы всю жизнь прожить в домах, где не спрашивают имя при поселении;

и привыкнуть, идя по улице, оглядываться по сторонам.

В подвале: будет мокро, сыро, грязно – всё в лучших традициях туземцев. Для неокрепших умов – этого уже достаточно, чтобы мысленно попрощаться с теми, кого когда-либо знал. Но ты-то понимаешь – всё только начинается.

Тебя уведут из подвала. Через железную дверь – ты попадёшь в кабинет в викторианском стиле, в котором вполне мог заседать покойный мистер Чемберлен. Ожидая, пока за тебя возьмутся всерьёз, ты будешь разглядывать красиво сделанные корешки неразрезанных книг. И вот, в кабинет войдёт Он. Крёстный отец – интеллектурал и духовный наставник всего криминального мира столицы – твой старый добрый знакомый. Он начнёт:

– Давно не видел тебя, сволочь. Хотел спрятаться от меня?! Забыл, кто я?!

Ты увидишь это так: ты резко бьёшь парня сзади тебя в живот. Выхватываешь у него из кармана пистолет. Стреляешь в его напарника, в него самого. Затем, быстро расправляясь со всеми в этой комнате – включая его. Затем, отстреливаясь, выходишь из здания, угоняешь машину, садишься в самолёт и уезжаешь на Кипр, где они не достанут тебя, возможно, целую неделю.

Но ничего из этого – не произойдёт.

– А ты помнишь, с чего всё это начиналось?

О, да. Конечно же, ты будешь помнить. Такое – забыть невозможно.

– Ты тогда здорово меня выручил – но я уже отблагодарил тебя. Я помог тебе дважды – и за тобой – всё ещё должок. Думал, я забуду?!

Он засмеётся. Ты подумаешь, что этот парень – окончательно сошел с ума. Он резко оборвёт собственный смех:

– Где деньги?! Нет?! А что ты дашь мне вместо них?

Ты опустишь глаза.

– Нет?! Как жаль. Но ты ведь понимаешь, что тебе придётся заплатить.

Ты поймёшь только: на этот раз – твоей будет жизни грозить настоящая смертельная опасность.

– Стой! Подожди... Дай сказать.

– Ну?

– Вспомни старые времена. Помнишь, как тогда было весело, а? Я могу ещё тебе здорово пригодиться – ты же знаешь, каким я могу быть полезным. Позволь помочь. Позволь мне вернуть долг – какой прок тебе от мёртвого меня? Давай...

– Отпусти меня?! – захныкает он, – я тебе – ещё пригожусь.

Затем, он и его цепные захохочут в полное горло.

– Вот что, – скажет он, немного приведя себя в порядок, – я дам тебе ещё один шанс – последний – по старой дружбе. Тебе повезло – у меня сегодня хорошее настроение. Если поработаешь на меня – так и быть – забуду про долг. Иногда, я должен показывать должникам, что я способен на сострада-

ние и на понимание – но не бесплатно. И запомни, – он выдержит театральную паузу, показывая на тебя своим жирным указательным пальцем, как дулом пистолета, – если попробуешь предать меня или подвести – можешь даже не просить о жалости.

Он выстрелит из своего пальца – прямо тебе в сердце – ты почувствуешь уголку у себя в груди.

– Я наткну тебя на булавку, как бабочку в своей коллекции. Я засуну твои яйца тебе в рот и повешу тебя на твоих же кишках – это понятно?!

– Да, – пропищишь ты.

– Вот и славненько! – он улыбнётся, дружелюбно сложив руки, – приятно работать с разумным человеком.

Приятно, иногда, поговорить с таким же кретином, как и ты сам – подумаешь ты.

Новый король вольного народа смог бы убедить любого, что Земля плоская. Он будет представлять собой смесь британского лорда, американского джазмена, Ганнибала Лектора и уличного хулигана. Это диковинная смесь проявит себя в самых неожиданных его качествах. Он будет казаться спокойным, но вывести его из себя сможет любая мелочь. Каждый нерв в его теле и всю многогранность своего характера – он положит в беспощадной борьбе за власть. Перед тобой – будет человек, управляющий самим ветром, дующим в городе по утрам и вечерам.

Судьба свяжет тебя с ним в твои мятежные годы. Вы ста-

нете вроде «партнёров по интересам». Он – многому сможет тебя научить. Но время пройдёт – и ни один нерв на его лице не дрогнет, проводя лезвием ножа по твоему горлу. Холодная сталь – ты почувствуешь её. Город – был его маленьким царством; и никто не сможет и шагу сделать в нём без его на то воли. У него – будет слишком много врагов – больше, чем смог бы вынести любой; и самым грозным из них – будет он сам. Он, лишённый права личности, целью своего существования поставить – получение власти. Эта жажда заставляет людей с миллионами в карманах копить на еде и одежде – откладывая всё больше и больше денег.

Люди живут мало. Люди, обладающие властью – живут ещё меньше. И тот, кто стоит надо всем – вызовет тогда у тебя – только чувство жалости и презрения. Ты снова увидишь падение. Тебя вновь позовёт к себе извращение. И честный вор – король переулков – сам станет тем, с кем поклянется бороться до самого конца. Так – бывает с каждой революцией. И катастрофа падает с неба за катастрофой, оставляя после себя – только одну маленькую возможность: улыбаться, блаженно закрывая глаза на всё, что происходит в мире, в жизни; вставляя в уши наушники.

Ctrl+C – Ctrl+V.

Тебя выведут из логова короля вольного народа. Вдохнув полной грудью свежего воздуха, с которым ты уже успел попрощаться, ты услышишь грубый, прокуренный сигаретами голос у себя в ухе:

– Без шуток!

Ты повернёшься в сторону пингвина-тигра и кивнёшь. Да и какие тут могут быть шутки?! Ты согласишься на его оболённое, серьёзное лицо, которое никогда в жизни не улыбнётся. У тебя в голове пронесётся смелая мысль: а что, если бросить ему лёд за шкурку? Жизнь можно было бы отдать, чтобы посмотреть тогда на удивлённое выражение его лица. Наверное, соверши ты это, его раскрытый от недоумения рот – был бы последним, что ты увидишь в этой жизни.

Тебе дадут пистолет.

– Умеешь пользоваться, щенок?

Ловким движением руки – ты снимешь пистолет с предохранителя на раме и скажешь:

– Пистолет «Colt» – одна из самых старых моделей. Конструкция Браунинга, автоматика с коротким ходом ствола, запирающие наверху ствола двумя боевыми выступами, кнопка-фиксатор для магазина, калибр 45-АРС, имеется курковый УСМ с открытым курком одинарного действия. Классика – но мне нравится. Могли бы, конечно, вооружиться моделями и получше, – ты выстрелишь в ближайшую каменную стену, оставив дырку ровно по центру кирпича, – хотя – и такой сойдёт.

Никогда не следует сомневаться, что уличные художники и таксисты нашего тысячелетия – не умеют обращаться с ручным оружием – это может оказаться последней ошибкой. Пингвин поражён; он не скажет ничего, слегка опустив ниж-

нюю губу и широко раскрыв глаза.

Подойдёт ещё несколько человек. Все вместе – вы сядете во вместительный джип. И только один из вас осмелится наставлять других, как тем лучше выполнять свою работу, которой они зарабатывают себе на жизнь. Вы заедете в бар выпить перед делом. Это, как известно, может затянуться на часы, пролетающие как секунды. Бар был особым – в такие никогда не попадут случайные зеваки. Бар будет называться «Forte liberté»; перевод не такой внушительный: «сильная свобода» или «сила свободы». Название будет нарисовано зелёной краской печатными буквами на изуродованной старостью стене. Ты сможешь начертить у себя в голове следующий указатель, как найти бар головорезов: от площади Победы №3, что в восьмом округе, продолжать двигаться на север по улице Виктора Гюго, а затем свернуть в переулок Огюста Родена и перейти к улице Замкнутой – дойти до самого конца, переходящего в маленькие, полуразвалившиеся дома – чтобы не заблудиться: идти можно по любой из тамошних улиц, кроме улиц Сартра, Камю и Достоевского – они приведут вас в тупик, из которого вряд ли удастся выбраться. Чтобы попасть в бар: вам необходимо будет убедиться, что все таблички с названиями улиц пропали и что вас окружают лабиринты закрытых гаражей, возможно, когда-то кому-то принадлежавших. К бару будет вести асфальтированная дорога. Если прохожие в тех местах вас не знают или сочтут, что вы ведёте себя подозрительно, или наоборот – ско-

рее всего, они попытаются убить вас. Когда вы увидите жёлтый флаг с зелёным черепом – можете не сомневаться – вы на месте. Описанная стена чёрного цвета с зелёными печатными буквами – будет прямо за углом. Это – и будет столица никем непризнанной, но существующей республики свободы – которая никогда не щадит своих врагов. Власти знают о существовании этого места, поэтому расставили вокруг всего района лабиринтов заброшенных гаражей – угрожающие таблички, чтобы не допустить рокового пересечения границ.

В баре будет сидеть много народу. Лысый бармен с татуировками на всём теле и сделает тебе Лонг-Айленд. Ты встретишь здесь несколько старых знакомых, которых ты так старался забыть. Но большинство – будет совершенно незнакомые тебе люди; удивительные, весёлые и дикие. Ты будешь смотреть на этих людей и понимать: в этом – смысл их жизни. Ты будешь смеяться вместе с ними. Пить вы будете очень мало. Один бывалый старик, с которым тебе удалось завязать приятную беседу, расскажет тебе и нескольким своим кентам историю:

– Одна бабища рассказывала мне, как её ебал этот, что ли, ёбанный писатель. Не знаю; она – та ещё шлюха. Но этот писатель её чем-то смог, всё же, закадрить – и она дала ему бесплатно. Завела она его к себе домой и начала всё сама без прелюдий. Она говорила, что он был таким ласковым и так громко стонал, что ей самой даже захотелось дать ему денег, представляете?! А тут их идиллию разрушил наш

старый-добрый старина Арнольд, который тогда эту бабищу своей считал. Он только вернулся с завода с цветами, какими-то, вонючими. Да и говорит: «Эт чё такое, ну ё ё мать вашу!». А писатель этот так и подскочил и кричит на весь дом: «Ты же говорила, что нам никто мешать не будет!». А Арнольд, чтобы успокоить его, схватил того за яйца и вывел в гостиную. И говорит такой: «Ты чего на бабу кричишь, му-дила?!». Вы знаете Арнольда – убить может. Но в тот вечер, чёт, сказал: «Ну, раз бабу мою – того; то давай, значит, и меня попробуй – драться будем». А парень – нюни распустил. Обе руки между ног держит. Чуть не плачет, молит о пощаде. Ну, Арнольд видит, что перед ним – не мужик. Да и бабища кричит ему, чтобы мальчика не смел трогать. Ну – и пожалел он его. Дал тому одеться, достал две бутылки водки и сказал: «Пей». А мальчик – понравился Арнольду, отвечаю. Никогда не слышал, чтобы он вёл себя так. Он спрашивает у него: «Чем занимаешь?». «Пишу» – отвечает. «А что пишешь – сказки, что ли?». «Нет, – говорит, – не сказки, а истории о жизни и о любви». «Сказки, значит», – махнул на того Арнольд. А бабища уже – в говно водкой напилась; на пол валится, смеётся, бьётся руками и ногами. Арнольд усаживает её к себе на колени и говорит то, что мы когда-нибудь сможем увидеть на обложках книги года: «Есть два вида мужчин: те, кто носят платки в костюмах, чтобы вытирать слёзы бабам; и те, кто носит их, чтобы вытирать летящие ему в лицо плевки». И бабищу тогда – вырвало прямо на Арнольда.

А писатель тогда – остался у них на всю ночь. И всю ночь этот придурок слушал и записывал, как Арнольд жалуется на свою дуру бабушку. Представляете? А потом – он ушел. Они с Арнольдом, вроде, корешами стали. А бабушка та – не знаю где; мы в пивнушке встретились – она давала дешёво. Оказалось, у нас есть общие знакомые. Нужно будет у Арнольда поспрашивать, когда встретимся.

Вы станете играть в карты. Один старик, слегка подвыпивший, будет наблюдать за игрой, комментировать, шутить и рассказывать посаженным от постоянных дешёвых сигарет голосом:

– Грабили мы, однажды, мужика одного. Он был не простой – миллионером был. В его доме – сигнализация, которую наш Лёха мог за минуту отключить через компьютер. Обычно, мы выходим на такие дела втроем-вчетвером; но тогда – пошли только я и Ив. Когда мы вошли в квартиру, значит, начали мы брать всё ценное, что под руку попадалось – как всегда. Он не должен был появиться там ещё минимум часа два. Но, что ли, совещание какое-то у него раньше закончилось, то ли что другое – но, значит, заходит он в квартиру – а там: мы с мешками. Он в панике – мы в панике. Никто не знает, что делать; а делать – надо. И тогда, Ив, придурок, достал пистолет и давай стрелять по этому мужику. А он – ловкий. Четыре раза увернулся и убежал куда-то. Достаю я, значит, свой пистолет и идём мы искать его. Раньше – можно было как-нибудь договориться; но теперь – придёт-

ся его прикончить, – подумал я. А домишко у него большой – найти не смогли. Подумали тогда: да ну его нафиг – пора уносить ноги, значит, оттуда. И тут: он выпрыгивает из ниоткуда с кухонным ножом и бьёт прямо меж рёбер Иву. Я стреляю – но он прикрылся братаном моим и пули его только поцарапали, может. Он бросил в меня труп и поднял с пола выпавший пистолет. А я падаю и роняю свой. Всё – думаю – конец мне. Но вижу – живой. А затем – смотрю: а у мужика руки дрожат. Он смотрит на Ива – тот истекает кровью, мёртв уже. Говорю: не убивай, давай договоримся. Поднимаю руки и медленно встаю. Он смотрит на меня – чуть не ревёт – и держит пистолет вот так: двумя руками. Мужик бросает пистолет на пол – и тот падает – и тот падает на колени и начинает плакать как ребёнок; кричит – на весь дом слышно. Ну, поднял я, значит, пистолет. Ну, вот так его и прикончил. Потом, всё что смог – взял. Ушел.

Вот такая она – «сила свободы». Тебе всё станет противно. И от этого – уже не убежать.

Вы поедете на ограбление какой-то богатой четы. Простое дело. Можно будет даже подумать, что жизнь вора – не так уж плоха. Во всяком случае: ни в какое сравнение не идёт с бытом многих гениальнейших художников, о которых не пишут статей; чьи работы никогда не выставят в музее. Ты подумаешь: да, возможно, это – не так уж и плохо. Но тебе – так нельзя. Не из-за каких-либо высокоморальных убеждений – пусть детям читают о них сказки. Твоя причина, куда

будет проще – тебя тошнит. Это будет длиться слишком долго, чтобы продолжать это терпеть. И воровское ремесло – не лекарство от неё. А всё, что останется делать – это продолжать искать то, что сможет помочь тебе вновь почувствовать себя спокойным. И в конце, когда не придёт время показывать карты – на стол упадут игроки.

«И всё, что казалось вечным – станет старьём, в сравнение с нами» – реклама нового смартфона.

Самое яркое пламя погаснет. Погаснут и фонари – улицы окунуться во тьму. И, все твои чувства, от восторга до страха, когда вы остановитесь перед нужным вам домом – ты забудешь.

Вы входите. На пол! На пол! Обыскать! Где драгоценности?! Вот они! Собирайте!

Клоунские одежды – клоунские маски. Ты станешь сгребать драгоценные камни, золотые браслеты и кольца в грязный мешок. Ты будешь делать это без всякого адреналина – ты будешь смиренно выполнять свой долг, как бухгалтер в офисе. Твои коллеги – будут делать тоже самое. Это – странная работа. Смешно то, что именно она – больше других будет напоминать реальную жизнь.

Тебя будет тошнить. Ты не сможешь этого выносить. В конечном итоге, даже если это будет грозить тебе смертью – ты всегда поступишь по-своему.

Ты стреляешь. Убиваешь тех, вместе с которыми смеялся одного за другим. Когда ты ещё будешь учиться в школе,

тебя спросят: «Смог бы ты убить человека, который ничего тебе не сделал?». Ты ответишь: нет. И много лет – ты будешь искренне верить в это. Все верят. А потом, годы спустя – ты убьёшь пятерых человек; и бровь твоя – так и не шелохнётся.

Кровь будет на всём. Женщина начнёт кричать в истерике. Ты скажешь:

– Вот чего стоят ваши деньги.

Кровь и золото – они повсюду. По всему дому, по всему городу. Ты бросишь пистолет на пол. Возьмёшь другой. Извращения – повсюду. Все твои товарищи – будут мертвы. Ты посмотришь на их тела – ангелы без крыльев. Их предал Бог, в которого они так верили.

Когда-нибудь, ты прочитаешь сказку о Питере Пене. Это был мальчик, который не хотел взрослеть. Он собрал банду ребят – таких же, как он – и сражался со злобным пиратом. Потом – он полюбил одну девочку – но это не важно. Ведь однажды – он повзрослел – хоть об этом и предпочитают молчать. И когда это произошло – он почувствовал себя преданным.

И каждый из них перед своей смертью – почувствовал себя взрослым Питером Пенем.

Кем они могли стать – думал ты, заряжая пистолет – поварами, журналистами, инженерами, учителями? А кем они стали?! Кучей мяса со свинцом в груди с остановившимся сердцем. И подумаешь, что они – ни в чём не виноваты. Но ни малейшего угрызения совести – ты так и не почувству-

ешь. Когда-нибудь – ты нарисуешь это чувство. Но в тот момент, когда ты выйдешь из дома – ты будешь бежать.

Мир покажется тебе более жестоким, чем ты когда-либо сможешь представить вновь. Его переполнят лишившиеся крыльев ангелы. И никто из них не будет свободен – все они будут делать то, для чего их выберет судьба.

Уже будут слышны сирены.

Ты будешь бежать – ты забудешь обо всём.

Ты хочешь жить. Ты будешь валиться с ног. Тебе будут кричать в спину. Ты будешь чувствовать, что не можешь сделать больше ни шагу. Затем – побежишь ещё быстрее.

Этот мир, даже такой жестокий, стоит того, чтобы ради него бороться. Ты свернёшь за угол. Затем за другой. Ты будешь прятаться. Переведёшь дыхание – и снова будешь бежать. Ты достигнешь того предела, когда человек уже не может сделать ни шагу. Ты услышишь звуки погони у себя за спиной. И побежишь ещё быстрее. Ты – не супер герой. Ты – всего лишь художник; даже не самый хороший. Но ты будешь побеждать. Ты отобьёшь себе ещё немного жизни – заслужишь это право. Но надолго ли? Ведь со всех сторон – тебя окружают враги.

Тебе не будет где спрятаться – у тебя не будет крыши над головой. В кармане – останутся лишь жалкие гроши и бесполезный телефон. Ты – в бегах. Тебя будет искать мафия и полиция. Тебе не будет где от них прятаться. Можешь считать – твоя жизнь кончилась.

Ты можешь получить лишь небольшую отсрочку. Ты будешь хотеть жить – любой ценой. Но ради чего? Ради кого? Кто ещё у тебя останется? Конечно!

Ты должен найти сестру; она – последнее, что будет у тебя. Когда твоих родителей не станет – ты ничего не получил от них – и ничего не будешь хотеть. Но ты не должен потерять последнее, что осталось от твоей маленькой семьи...

Иногда, с человек происходит чудеса – я верю в это. Ты можешь полететь в космос и увидеть нашу маленькую планету; ты можешь стать величайшим в мире художником; стать президентом республики; посвятить свою жизнь завариванию чая в маленькой деревушке на горе у самого края извещенного мира; или встретить его в тот момент, когда больше всего будешь нуждаться в нём.

Ты услышишь шаги за спиной, приближающиеся к тебе. Ты подумаешь – это конец. Но ты – будешь готов сражаться за свою жизнь. Ты будешь готов принять свой конец героически. Но битва за твоё будущее – так и не настанет

В тот момент, когда ты меньше всего будешь ждать этого – русский придёт на помощь.

– Какого хрена ты забыл здесь, дорогуша? – скажет олигарх Монро Владимирович Ражаев, появившийся из ночной темноты в районе маленьких баров и клубов, где ты будешь надеяться спрятаться.

Ты узнаешь его акцент из ста тысяч показушно неграмотных русских.

– Слава богам, – чуть не закричишь ты, едва сдерживая слёзы, чуть не падая на колени.

Он слегка смутиться.

– Ты зашел очень далеко от дома, старик. Как тебя вообще занесло в этот богом забытый конец города?

– Долго рассказывать, – скажешь ты, более-менее приведя себя в порядок, – у меня больше нет дома. И меня ищут очень опасные люди. Я знаю – это только мои проблемы. У тебя своих хватает – ведь с компанией не всё хорошо правда?

– Да, но мы выкрутимся.

– Тебе есть чем заняться. Но всё равно хотел бы попросить тебя дать мне переночевать у тебя сегодня.

Он серьёзно посмотрит тебе в глаза.

– Твоя жизнь в опасности?

– Кажется, да.

Он улыбнётся.

– Вот и славненько! Переночуешь у меня. Больше чем сейчас – у меня всё равно врагов не будет. Может, мне удастся совершить хоть одно доброе дело в жизни. Пойдём.

Всегда, последнее, что остаётся – это друзья. Но так мало людей, у которых они действительно есть.

Ты решишься спросить:

– А что ты здесь делал?

– Ох – это уже не важно. Я как раз собирался домой.

Он выдержит паузу.

– Впрочем, если тебе интересно – техносекс.

– Что?

– Техносекс. Это как секс – только в виртуальной реальности. Есть тут один очень интересный клуб. Знаешь, весь мировой прогресс работает только на одну глобальную индустрию – индустрию удовольствий; не важно, садизм это или мазохизм, эгоизм или альтруизм – всё одно наслаждение. Тебе тоже следует как-нибудь попробовать. Мир очень изменился за последние двадцать лет. Жаль, конечно, что мы, как всегда, пропустили это. Нам всё – одна и та же рутина... Но поговорим об этом позже. А пока – садись в машину.

Он посадит тебя внутри BMW с золотыми надписью на дверях: «RaJaEw». Монро крикнет что-то водителю и вы тронетесь с места. Тебе покажется, что впервые за невероятно долгое время – ты можешь вздохнуть с облегчением. Ты будешь верить этому человеку – Монро не раз проявит себя как хороший человек, не смотря на все его странности. У тебя – ещё будет цель. Тебе есть ради чего жить – ради своей семьи; ради искусства. И ты почувствуешь ту самую невыносимую лёгкость бытия, о которой сказано так много слов; но которую можно только ощутить. Твоё тело будет переполнять желание двигаться вперёд; а в твоей душе – ты вновь почувствуешь ту искру, которая даёт тебе право называть себя художником.

И как никогда – ты почувствуешь себя молодым.

Ты почувствуешь себя сильным. И всё – благодаря ему.

Всемирное Движение №2

Месье возненавидеть свою жизнь. Он будет много смеяться, заниматься любовью по несколько раз в день и так ни разу и не испытать на себе венерические заболевания. Он будет жертвовать на искусство деньги, которых у него не нет; и всегда находить выход из любых обстоятельств, как бы ни выпали карты. Он сможет говорить о чём угодно и с кем угодно. Он будет хвалить тех, кого завтра сровняет с грязью. Его лицемерию не будет предела. Он будет ненавидеть и презирать всех и каждого – даже тебя; всех, кроме одной.

Но есть тайны, которые тебе не удастся разгадать никогда.

– Так всё же – что произошло? – спросит Монро, когда вы снова попадёте в пробку и задержитесь, как минимум, часа на полтора.

Повсюду будет ночь. Повсюду будут враги. Кто знает – удастся ли тебе дожить до завтра. Так что – почему бы не доверить всего себя последнему, кто может тебя защитить?!

– Я не даже не знаю, – ты попытаешься найти правильные слова, – знаешь, мне хотелось бы это забыть – правда. Я хочу думать, что меня просто хотят убить.

– Но ведь это не совсем так?!

– Я убил много людей, – скажешь ты, – я убил их и даже не жалею об этом. Поэтому, давай просто забудем об этом. Честно – я очень ценю твою помощь. Но о некоторых вещах – я просто не могу говорить.

Машина будет стоять на месте. Ночь будет тихой. В соседней машине ты видишь, как одинокий водитель в строгом костюме, от скуки, будет смотреть хентай. Ты понаблюдаешь за ним немного; затем, повернёшь глаза в сторону звёзд, которых нет.

– Бодлер сравнивал память с полимпсентусом, – скажет месье, – это такой листок пергамента, на котором пишут текст, стирают его, затем пишут новый. Это – очень просто. Если тебе не понравилось что-то – пиши поверх бесполезного текста – полезный.

– Тебе легко говорить – ты не убивал людей.

– Все мы – убиваем людей – но не всегда знаем об этом. Ты даже не представляешь, скольким судьбам я переломал хребет – просто, от скуки. А чем это лучше убийства?!

Его Лицемерие повернёт голову в другую сторону. Ты уставишься в одну точку спереди тебя.

– Жить – это как писать масло. Что-то не нравится – можно стереть, – скажешь ты, – но я – больше люблю акварель. А ты?

– Карандаши, – скажет он, не повернув головы.

– Что-то случилось?

– Скучно. У меня много дел, дорогуша. Не ты один счастливчик, которого я подобрал с дороги.

Он достанет свой ксиоми и начнёт что-то энергично набирать. Ты тоже достанешь телефон – ты будешь смотреть на него, но не увидишь ничего – только чёрное зеркало.

– А зачем тебе это нужно?

Монро оторвётся от своей работы.

– Я же говорил – я меценат искусства. Много ли шедевров было бы у нас, не будь таких людей, как я – кто-то должен держать этот мир на своих плечах. К тому же – это позволяет мне чувствовать себя кому-нибудь нужным – это здорово успокаивает совесть.

Он вновь примется за работу. Тем временем, гул машин и горечь ночи – весь мир превращали в одну сплошную метафору.

– С каждым новым воспоминанием – мы всё больше меняем сюжет, – ночные пробки на каждого будут действовать по-разному, – многие люди привыкли думать, что память – предельно логична и правдива. Часть воспоминаний – мы сочиняем сами. Я вот – придерживаюсь мнения, что человек произошёл от эволюции вида, который в свою очередь произошёл от союза свиньи и обезьяны. Многие со мной не согласны – но я стою на позиции человеческих воспоминаний – о тех временах, когда мы были детьми свиней и обезьян.

Ты не поймёшь ни слова из того, что он скажет. Вооружённый Философ часто будет говорить подобные вещи – и ты научишься поддерживать такие разговоры с помощью прыжков с темы на тему. Ты ответишь Монро:

– Свиней?! Я не знаю. Мне противны свиньи. Я однажды видел их – нос на уровне задницы...

– Рыло.

– Прости, что?

– У свиней рыло, нос – какая разница – на уровне задницы. Жить так: в загонах, нюхая друг друга, спариваясь у всех на виду и со всеми подряд – что это за общество такое?!

– Общество, в котором царит свободы и равноправие.

Ты ненадолго застынешь, попытаешься осознать то, что сказал Монро. Затем, улыбнёшься и начнёшь хохотать, подпрыгивая на месте, чуть не падая с сидения. Монро будет смотреть на тебя и тихо посмеиваться, прикрывая ладонью рот.

Он откроет окно и достанет вейп. Выдыхая дым в ночь, Монро скажет в пустоту:

– Если мы так легко можем менять своё прошлое по своему усмотрению: происходить одновременно из глины, от обезьян и от обезьян со свиньями одновременно – то можем ли мы так запросто менять настоящее?

Ответа на его вопрос – не будет. За окном будут только дома и машины с ветром внутри них. Не будет ничего, на чём Монро смог бы задержать взгляд. Он не станет смотреть на что-то конкретное – он будет вглядываться вглубь себя; и не будет моргать. Воздух в городе – наполовину будет состоять из пепла. Ты будешь смотреть на Монро и спрашивать себя: «Какого хрена? Вот какого?!».

Вы доберётесь до его дома лишь под самую глубокую ночь. Будет так поздно – что уже рано. Облака превратятся в капельки воды и станут падать вам на головы. Это будет то самое время, когда город сделает небольшую остановку,

чтобы отдохнуть. Ведь что и говорить – города работают не двадцать четыре, а всего двадцать три с половиной часа в сутки. Уже не ночь – ещё не утро. И в это время – ты решишь для себя, что начинаешь новую жизнь. Небо будет синим.

Водитель подаст своему боссу зонт и тот раскроет его – как всегда – невыносимо изящно.

– Так ты идёшь – или так и будешь стоять здесь, как дурак? – крикнет тебе Ражаев.

Знал ли ты до этого, что такое аромат утренней автобусной остановки? Что такое пустая дорога – без всякого движения? Это время, когда не машины, не людские ноги – а сам их мир движется вперёд. И когда ты остановился – больше шансов разглядеть то, куда летит этот мир.

– Иду, – крикнешь ему ты.

Тебе покажется, что это – именно то, что ты так долго искал: созерцание мира и исследования его границ. В конце-концов – больше ли смысла во всём остальном?!

Монро зайдёт внутрь – ты будешь идти следом. В этот миг – зазвонит телефон. Каждую клетку твоего тела переполнит ужас – ты подумаешь, что это конец. Кто ещё может звонить тебе так рано, кроме мафии, которая уже рядом. Трясущими руками – ты подымишь трубку.

– А-алло?

– Привет. Прости, что так рано. Ты дома?

– Н-нет. А кто это?

– Да это же я – Вооружённый.

– Чёрт! – крикнешь ты на всю улицу.

– Тот ещё! Я проходил мимо твоего дома – хотел попросить тебя открыть дверь. Мне хочется в туалет.

– Старый чёрт, – ты высыплешь на него все известные тебе ругательства; тем временем – он будет смеяться. И в смехе, доносившегося с той стороны – ты услышишь музыку нового мира.

– Ладно, пока, дружище.

– Давай.

Ты бросишь трубку первым. И кинешь её со всей силы. Ты развернёшься и уйдёшь в сторону дома Ражаева раньше, чем упадёт телефон. Он разобьётся об асфальт – но ты этого даже не заметишь.

Разоблачение Третье

Первым, что увидит входящий – будет огромный табличка со словами: «Le lieu de rencontre pour les poets».

– Место встречи поэтов, – переведёт Монро, – посмотри – как здесь красиво.

– Жопа моя красивее, – раздражённо скажешь ты.

Монро улыбнётся и испытующе посмотрит на тебя.

– Не спорю, – улыбка соскользнёт с его лица так же быстро, как и появится, – но пойдём дальше.

Ты словишь носом запах нового мира. Он у тебя будет заложен насморком, но отдельные, сильные ароматы – ты уловить сумеешь. В нём – будет что-то непостижимое, что не

словишь ни глазом, ни носом, ни языком – даже таким длинным, как литературный. Это – будет то, что поставит целью себя разгадать – за что ты примешься немедленно, наточив карандаш и раскрыв скэтчбук. Но как нарисовать Всё – посреди Ничего? Всегда – посреди Никогда?

Так и будет выглядеть место встречи поэтов – снаружи и внутри.

– Я уже говорил, что со всех сторон – нас окружают извращения? – донесётся до тебя эхо Ражаева, стремительно отдалявшегося от тебя, – не только сексуальные – но и социальные, – он будет подниматься вверх по винтовой лестнице, – но этот мир таков, что если есть извращенцы – то должны быть и нормальные. На этом поприще – бесконечному числу извращений – противостоит аристократия. Часто, нас самих называют извращенцами – но это не так, – последние слова он произнесёт воинственным шепотом, который будет громче его обыкновенного голоса, – разумеется – я говорю не про раздутых буржуа; к своре которых я сам, не скрою, отношусь. Я говорю про таких как ты – аристократия духа, от цинизма и лицемерия которых – таят льды Антарктиды. Аристократ – это человек, который может противостоять пошлости, в каких бы формах она перед ним не представала. Он будет сражаться с ней везде: на консервном заводе, в королевском дворце, на животных рынках, в зале заседания нобелевского комитета, ювелирных магазинах и студенческих поликлиниках, на швейцарских озёрах и на свалке пищевых отходов, –

примеры так и будут литься из его рта и покажется, что им не будет конца – какая пошлость, подумаешь ты, – эти люди – один из немногих способов бороться с человеческой дикостью. Я – Монро Владимирович Ражаев – хоть и не аристократ – верный и отважный рыцарь света, который до последнего доллара поклялся бороться с человеческим невежеством и примитивностью...

Дальше, Монро сбавит шаг, позволяя тебе приблизиться к Его Святейшеству. Ты больше будешь обращать внимания не на его непрерывный поток слов – настолько бессмысленны, что уши вянут вслушиваться в их суть – ты будешь обращать внимания на предметы вокруг тебя. Тем временем, Монро подойдёт к концу своей невыносимой, вводной лекцией в мир аристократии:

–...так и был создан «Орден Неистовых Поэтов» или ОНП. Наши недоброжелатели называют нас «Орденом Поэтов и Союзных Язвителей» – только для того, чтобы составить аббревиатуру ОПИСЯ. Но это так – просто для общего развития. Когда ты слышишь ОНП или ОПИСЯ – это всё про нас. Нашим главным достижением есть то – что мы существуем. И уже этим – даём на орехи всем прочим извращенцам.

Только вздохнуть – всё, что можно будет сделать после этих услышанных слов. И почему я должен их слушать? – подумаешь ты.

Тишина. Ничему в мире ты так не удивлялся, как ей. В

комнате, заставленной до потолка книгами, не раздастся ни звука, пока ты не скажешь:

– Серьёзно?! – чуть не добавив: ты замолчал?!

– Именно так, – ответит он.

Дальше, всё будет происходить как в тумане. Ещё секунду до этого – ты будешь крепко стоять на ногах; а после этого – твоё тело упадёт в объятия Морфея и ты перестанешь воспринимать мир, как единое, нерушимое целое. Ты почувствуешь себя стоящим на самом кончике – в любой момент готовый сорваться.

Ты чуть не упадёшь; но Монро вовремя придёт тебе на подмогу и усадит в диван.

– Что – опять? – спросит он.

– Не знаю, – только и найдёшь, что ответить ты.

Глаза смотрели прямо, но видели всё как в аквариуме.

– Дамы и господа – позвольте вам представить нового рыцаря нашего ордена – мой друг Художник.

Эти слова приведут тебя в чувства. Ты упадёшь лицом себе в ладони, пытаясь спрятаться от внешнего мира; но безуспешно.

– Эй, эй; очнись, – закричит Монро, – ты видишь меня? Сколько у меня пальцев?

Ты будешь чувствовать себя как никогда хорошо – но не нужно признаваться в этом другим.

– Со мной – всё в порядке, – скажешь ты, подымая голову, – всё в порядке.

Ты разглядываешь людей, вошедших в комнату.

Из них – ты узнаешь только одного. Лолол Лололович – звезда местной богемы будет сидеть прямо напротив тебя и дружественно улыбаться. Ты подумаешь: что меня затянуло сюда? Разве будет тебе дело до тех глупостей, которыми занимаются эти люди?

– Знакомься, – Монро сделает вид, что ничего не произошло, – это Василий.

Огненные волосы, татуировка дракона на щеке, щегольской свитерок и чёрная ручка за ухом – это он назовёт Василием.

– Очень приятно.

Он пожмёт тебе руку и одарит улыбкой, от которой растаяло бы даже самое холодное сердце. На секунду, тебе даже захочется ему понравиться – ты был бы рад видеть его своим другом. Но ничего хорошо из этого не выйдет – и ты не станешь строить себе иллюзий.

Ты встанешь со своего места и плавно перейдёшь на свободное, одинокое кресло – поближе к графину с коньяком. Тогда, тебе останется только выяснить, что будет дальше – и к чему всё это тебя приведёт.

– Это – Станислав Коров, – Монро поставит ударение на второй слог, – он поляк. Он дирижер симфонического оркестра; так же отличный пианист и композитор – ты наверняка о нём слышал раньше.

Абсолютная противоположность Василия – Станислав.

Элегантность и манерность, и скромность в одном коктейле. Его легко можно было спутать с капельдинером Гайдном.

– Гашваро Имре, – Монро произнесёт это имя жирным, как гуляш, голосом, – он приехал сюда из Будапешта только три года назад – и уже стал местной звездой. Ты тоже, наверняка, где-то слышал это имя.

Ты подумаешь: как же много людей я знаю – и даже не подозревал об этом. Тебе захочется первым начать поглощать жидкость из графина рядом с тобой – на уютном газетном столике.

– А это, – Монро укажет пальцем в сторону девушки, – художница. Настолько скверная и бездарная, что её можно назвать первым гением нашего века – Мюриэль, – он ещё долго будет смаковать её имя, – Мюриэль – скажешь хоть слово?

Вместо ответа – он запустит в Монро книгой. Увернувшись, Ражаев спрячется за спинкой стула как за щитом и скажет:

– Это – лучше любых слов. Спасибо.

Девушка кивнёт и прошепчет ровным, чистым голосом:

– Не верьте тому, что говорит этот дурак. Я сама не знаю, что забыла здесь – но рада снова вас всех видеть. Надеюсь, это продлится ненадолго – потому что Монро, видимо, не скоро успокоится.

Тебе понравится эта девушка. Ты скромно будешь поедать её глазами из-под своего угла; какая она без одежды? Какой

она выйдет на бумаге?

После этого, ты будешь слушать Монро вполуха. Тебя не будут интересовать прочие шатуны, которые соберутся в тот день в большом зале с книжными полками. Всё своё внимание – ты посвятишь этой девушке. Она будет красивой – ты любишь таких. Что-то в чертах её лица – напомним тебе о той фигуре, фотография которой – всегда будет у тебя в кармане – вот она. Она – будет той единственной спасительной точкой, за которую ты будешь держать во всех своих долгих странствиях по реке жизни – сказал бы поэт. Но ты – просто видишь красоту; это – тебя и спасёт.

Но сделаешь ли ты первый шаг?

Когда Монро замолчит – в зале вновь на какое-то время установится мёртвая тишина. Ты заметишь, что вещи – окружили тебя со всех сторон. Книги, вазы, мёртвые цветы, пустые места на полках. Гости одновременно полезут в карманы и достанут сигареты – каждый свои; Монро призовет всех угощаться. Один ты – не будешь курить – это покажется тебе лишним. Ты выдохнешь, разве что, облако персикового дыма из вейпа Василия – но этим и ограничишься.

Собравшиеся гости разделятся на группы по два-три человека и будут сплетничать о том, о сём. Что такое искусство? У кого лучше издать новый сборник стихотворений? Где можно выгодно продать картины? Чем вы питаетесь? – фасолью. Я слышал – в супермаркете “Les Parisian” акция... Кто-то будет говорить по-русски, кто-то: по-английски, по-

немецки, по-французски и на суахили. Про последних: ты поймёшь лишь то, что ничего не понимаешь – и это более чем тебя устроит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.